

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ОЧЕВИДНАЯ

МЕТАМОРФОЗА

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

День гнева

«PEN-клуб»

1999

Абдуллаев Ч. А.

День гнева / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1999 — (Дронго)

Россия в глубоком и затяжном кризисе. Время, когда в мутной воде экономического и финансового хаоса не видно границ между законом и беззаконием. Время крупных хищников... Они начинают охоту на министра финансов, который должен представить проект бюджета в парламент. От того, утвердят ли этот проект или нет, зависит будущее России, судьбы миллионов. Времени у наемных убийц совсем немного. И на их пути встает Дронго...

© Абдуллаев Ч. А., 1999

© PEN-клуб, 1999

Содержание

Начало	5
День первый. Москва. Утро	7
День первый. Москва	10
День первый. Москва	13
День первый. Москва	17
День первый. Москва	19
День первый. Москва	21
День первый. Москва	24
День первый. Москва	27
День первый. Москва	31
День первый. Москва	36
День первый. Москва	39
День первый. Москва	41
День первый. Москва	45
День первый. Москва	50
День первый. Москва	52
День первый. Москва	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Чингиз Абдуллаев

День гнева

Гнев есть оружие бессилия.

С. Сегюр

Начало

– Слепнев, на выход, – крикнул дежурный, гремя ключами.

Приделанная к двери цепь позволяла открыть ее ровно настолько, чтобы из камеры можно было выходить только по одному. Зэк кивнул сокамерникам и не торопясь вышел в коридор.

– Руки за спину, – приказал дежурный, – вперед.

Слепнев выполнил приказ и двинулся к выходу.

– Послушай, полковник, – раздался за спиной у него горячий шепот, – как только выйдем, я тебя передам постовому контролеру. Вместе с ним дойдешь до стены. Там будет веревка. Понял?

– Понял, – не оборачиваясь, ответил Слепнев. Он так давно ждал этого дня!

– Иди, иди, – заторопил дежурный, заметив, что в конце коридора появился кто-то посторонний.

Когда подошли к выходу, дежурный открыл одну дверь, затем вторую, они спустились с лестницы и очутились в другом, более коротком коридоре, где за решеткой их вот уже пятнадцать минут, нетерпеливо поглядывая на часы, дожидался постовой контролер. Он видел Слепнева впервые, но понимал, что именно этот человек резко изменил его жизнь. Контролер ни о чем не жалел. За такие бабки стоило не только распрощаться с работой и поменять место жительства, но и при необходимости с оружием в руках проложить путь к побегу этого заключенного. Он только не понимал, какую такую ценность представляет собой этот отставной полковник. Главное, это было контролеру на руку, и он кивнул дежурному, зная, что тот тоже получил довольно-таки солидный куш.

– Это он? – на всякий случай негромко спросил контролер, с интересом глянув на седовласого, чуть выше среднего роста заключенного. Сопровождавший узника дежурный кивнул, открывая дверь и пропуская заключенного. Потом, не оглядываясь, зашагал обратно. Его задача была доставить узника до этого коридора. Поэтому ему заплатили не так щедро, как контролеру, сопровождавшему заключенного дальше. Но даже полученные двадцать тысяч долларов были для него целым состоянием, таких денег он не смог бы заработать и за десять лет честной службы в тюрьме.

Он знал, что через несколько часов будет объявлена тревога. Начнутся допросы, подозрения, обвинения. Но деньги он уже надежно спрятал, а побег этого опасного заключенного можно списать на постового контролера, исчезнувшего вместе с узником. И сейчас надзиратель думал больше о приваливших ему деньгах, чем об узнике, все еще удивляясь, почему за него отвалили такие бабки. В отличие от контролера он хорошо знал заключенного, но здраво рассудил, что большие деньги просто так никто не платит.

В этой тюрьме сидели особо опасные преступники и криминальные авторитеты. Это была своего рода тюрьма в тюрьме. Девятый корпус, или сизо номер четыре, охранялся с особой строгостью. Тюрьма, известная в народе как «Матросская Тишина», состояла из двух корпусов. В сизо номер один отправляли всякую уголовную шуштуру, в сизо номер четыре – не только самых известных криминальных авторитетов страны, но и бывших сотрудников милиции и

прокуратуры, которых невозможно было сажать в общие камеры обычных изоляторов. Побег отсюда практически исключался. Достаточно сказать, что раньше этот корпус находился в ведении КГБ СССР. Но за последние десять лет уже случился один побег, тоже с помощью подкупленных охранников: сбежал известный киллер. Итак, тревога была объявлена только через два часа, когда заключенный и офицер были уже далеко за пределами города. Несмотря на все усилия сотрудников ФСБ и милиции, поиски успехом не увенчались – заключенный и офицер исчезли бесследно.

День первый. Москва. Утро 6 часов 21 минута

Он услышал звонок и взглянул на часы. Черт возьми! Только начало седьмого. Что за идиот звонит в такую рань? Он покосился на аппарат. Тот продолжал трезвонить. Какая наглость звонить ни свет ни заря. Обычно все неприятности случаются по понедельникам, а сегодня вторник. Неужели опять что-то неожиданное? Но что могло произойти этой ночью? Другое дело в пятницу. Но до пятницы еще два дня. Жаль, что жена уехала на дачу к внукам. А то могла бы снять трубку. Она спала как раз с левой стороны, у самого аппарата.

Телефон не умолкал. Ну кому охота разговаривать в такое время? Но тот, кто звонит, этого не понимает. Так что придется ответить. И, подвинувшись ближе к аппарату, он снял трубку.

– Слушаю, – голос у него был недовольный и сонный.

– Артем, ты? – Сон как рукой сняло. Жена! Он понял: что-то стряслось.

– Что-нибудь случилось? – закричал он вне себя от волнения.

– У нас несчастье, – сообщила жена, не думая о том, что может буквально убить подобным сообщением своего сорокасемилетнего супруга, страдающего сосудистыми заболеваниями. Впрочем, особой деликатностью она никогда не отличалась. У него кольнуло сердце.

– Какое несчастье? О чем ты говоришь? Что случилось? Что-нибудь с Катей? – Он засыпал жену вопросами, не давая ей вставить и слово.

– С Димой, – сказала она наконец, – он поел у соседей грибы. Очевидно, домашнего приготовления. Я ему сто раз говорила, чтобы не ел ничего в гостях...

– Что с ним? – остановил он словесный поток жены.

– Ребенок отравился. Его рвет, кружится голова, боли в животе. Необходимо срочно промыть желудок.

– А где Леонид? – Он имел в виду зятя. Тот был неплохим художником, но они с женой считали его непутевым. Не о такой партии мечтали супруги для своей единственной дочери, выскочившей в девятнадцать лет замуж. Теперь у нее уже было двое детей: пятилетний мальчик и трехлетняя девочка. Против внуков молодые дедушка и бабушка не очень-то возражали. Это даже примирило их с вечно разболтанным Леонидом.

– Его, как всегда, нет, – произнесла жена убитым голосом, – заночевал в мастерской. Я сразу подумала, что нужно взять у соседей машину и отвезти Диму в больницу. А то, пока вызовем машину, пока она приедет в наш поселок, пройдет несколько часов.

– Вы сейчас на даче?

– Конечно, нет. Я разбудила Евгения Константиновича, и он любезно согласился подвезти нас до больницы. На даче остались Катя с малышкой. Будь добр, пошли за ними машину, надо их забрать в город. Представляешь, в каком сейчас состоянии Катя?

– Откуда ты говоришь? – Он все еще не мог ничего понять.

– Мы едем в больницу, – недовольно сообщила она, – я говорю по мобильному. Ты, видно, еще не проснулся, слышал, что я сказала про Диму?

– Конечно, слышал, – пробормотал он, вскакивая с постели, – я сейчас позвоню Кате и пошлю за ней машину. А сам приеду к тебе. В какой вы больнице будете?

– В местной. Пожалуйста, приезжай, пусть видят, что Дима – твой внук. Иначе сам понимаешь, что может быть.

– Конечно, приеду, – кивнул он, словно жена была здесь, – сейчас же позвоню Кате и вышлю за ней машину, – повторил он.

– А мы будем ждать тебя в больнице. Не забудь захватить мобильный телефон, чтобы я могла тебя найти.

– Хорошо. – Он бросил трубку. Когда живешь с женщиной больше четверти века, начинаешь ненавидеть ее, но еще больше – себя. За то, что терпишь ее вечно недовольное лицо.

Ведь ни разу в жизни он не видел ее довольной. Ни когда они поженились, будучи студентами экономического факультета. Ни когда поехали в Харьков, куда он получил распределение. Ни когда вернулись в Москву и жили вдвоем в маленькой комнатке без удобств. Из научного института он перешел на работу в банк. Потом они поехали в Австрию, где он представлял интересы Внешторгбанка. В начале девяностых вернулся и поступил на службу в крупный коммерческий банк. Лишь тогда она немного успокоилась. К тому времени появилась роскошная квартира в центре Москвы, большая дача в престижном дачном поселке, свои машины, водитель, помощник, няня, кухарка. Но лицо жены по-прежнему оставалось недовольным, и она всегда находила повод, чтобы испортить ему настроение. Впрочем, за долгие годы совместной жизни он привык к ней. Привык к ее вздорному, взбалмошному характеру. И иногда с удивлением замечал, что относится к ней намного лучше, чем в молодые годы, когда семейные ссоры, казалось, неминуемо должны были закончиться разводом.

Артем Сергеевич Полетаев был назначен министром финансов страны полгода назад, как раз когда вице-премьером стал его друг и бывший однокашник Сережа Шумской, с которым они вместе учились на экономическом факультете. Нужно отдать должное Шумскому. Всего за полгода он успел проявить себя как человек твердых принципов, неуклонно проводивший в жизнь экономические решения правительства, невзирая на критику со всех сторон.

Полетаеву было сорок семь лет. Высокий, с красивой густой шевелюрой и правильными чертами лица, он очень нравился женщинам. Особенно привлекали его глаза, серые, с загадочным выражением. Многие считали, что с такой внешностью Полетаеву нужно было идти в киноартисты, а не в экономисты. Жену раздражали подобные разговоры, поскольку сама она уже растеряла былую красоту, располнела, погрубела, ноги портило варикозное расширение вен. Словом, она была стареющая женщина, под пятьдесят, в климактерическом возрасте, а он – полный сил и хорошо сохранившийся мужчина, тоже под пятьдесят, до сих пор нравившийся женщинам, в том числе и собственным секретаршам.

Артем набрал номер дачного телефона. Трубку сразу взяла Катя. Видимо, еще не ложилась.

– Алло!

– Катя, это папа. Как дела? Все в порядке?

– Ты знаешь про Диму?

– Знаю. Сейчас поеду в больницу, а за тобой и малышкой пришлю моего водителя. Так что собирайся.

– Хорошо. Может, по дороге заехать в больницу?

– Без тебя обойдемся. Будь готова, машина приедет минут через тридцать-сорок. И позвони Леониду, – с нотками недовольства в голосе сказал отец, – пусть хотя бы встретит вас.

Поговорив с дочерью, Артем Сергеевич позвонил водителю. С ним они работали еще в коммерческом банке. Уходя в министерство, Артем оставил его в качестве личного водителя для семьи. По службе ему полагался шофер, который заезжал за ним по утрам вместе с охранником и отвозил в министерство. Личный водитель, татарин, работал вместе с Полетаевым уже шесть лет. Артем довольно долго ждал, пока тот поднял трубку, – очевидно, спал.

– Доброе утро, Ханифа, – Артем посмотрел на часы, – извини, что беспокою тебя так рано.

– Ничего, Артем Сергеевич, я всегда встаю в половине восьмого. Что-нибудь случилось?

– Случилось. С Димой плохо. Отравился грибами. Его повезли в больницу. А Катя одна на даче, с дочуркой. Поезжай за ними и привези их в город. Только не торопись. Я возьму свою машину.

– Понял, Артем Сергеевич. А может, вызвать вашего водителя с охранником?

– Они еще спят. Ничего страшного. Надеюсь, меня не похитят, а я успею вернуться до половины девятого, когда они приедут за мной.

– Хорошо, Артем Сергеевич. Буду у Кати через полчаса.

Полетаев потрянул головой. В пятницу у него такой важный доклад, а он должен сейчас заниматься внуком. Впрочем, жена права, в больницу ехать нужно обязательно. Мало ли что там может случиться. Дима – вылитый дедушка, а на отца, к счастью, совсем непохож. Сыновей у Полетаева не было, он испытывал к Диме отцовские чувства и очень гордился им. Все надежды были на внука.

Артем побрился и начал одеваться. По привычке достал свежую белую рубашку. И на мгновение заколебался, решая, как именно ему одеться. Дачный костюм явно не подходит, он может не успеть вернуться домой, чтобы переодеться. Да и жена не одобрит, если он приедет в больницу в куртке и джинсах. Он подумал, что день начинается трудно.

Но, завязывая галстук и глядя в окно, Полетаев даже представить себе не мог, каким сложным окажется нынешний день: через два часа возле его дома будет двое убитых... Начнется самая страшная история в его жизни.

День первый. Москва 06 часов 23 минуты

В двадцати пяти километрах от аэропорта Домодедово

Очевидно, оба не любили лишних слов, так как сидели в автомобиле, почти не разговаривая, ожидая, когда наконец появятся нужные им люди. Машина стояла на проселочной дороге, недалеко от леса. Со стороны шоссе ее не было видно, и в предрассветной тишине «Рено» казался лишь деталью пейзажа. В половине седьмого утра, когда солнце уже поднялось над горизонтом, послышался наконец шум подъезжавшей машины и появилась «Волга» белого цвета, в которой, кроме водителя, находились еще два пассажира.

– Они, – сказал сидевший рядом с водителем «Рено» мужчина, кивая в сторону «Волги». Второй, не произнеся ни слова, вышел из автомобиля, ожидая, когда «Волга» приблизится. Она остановилась в двадцати метрах от него, и ее водитель, увидев стоявшего на дороге человека, быстро вышел и поспешил к нему. Незнакомцу на вид было лет сорок пять. Коротко подстриженные седые волосы, резкие черты лица, брезгливое выражение, тонкие губы, пронизательные темные, глубоко посаженные глаза, словно сделанные из стекла и существующие как бы сами по себе. Короткая темная куртка, темные брюки, темная рубашка. Если бы приехавшие могли обойти его сзади, то наверняка заметили бы у него пистолет, закрепленный в кобуре под курткой с правой стороны. Пистолет имел непропорционально длинное дуло, и только профессионал мог догадаться, что на него надет глушитель.

Водитель «Волги», подходя к нему, оглянулся на своих пассажиров, оставшихся в машине.

– Приехали, – сообщил он, тяжело дыша, – они немного задержались.

– Где ты их взял?

– У станции метро, как вы говорили.

– Надеюсь, у тебя хватило ума подождать, пока они подойдут к твоей машине?

– Конечно, – выдохнул водитель и торопливо добавил: – Все в порядке, – словно опасался, что ему не поверят. Водителю было лет тридцать пять. На небольшом покатом черепе у него росли редкие волосы. Несмотря на довольно прохладную погоду, он все время потел, словно ему было жарко или же он боялся стоявшего перед ним человека. Второе предположение было, пожалуй, ближе к истине, так как он испуганно следил за выражением лица седовласого. Но тот как-то неопределенно кивнул, сделав знак остальным пассажирам подойти.

Двое подошли молча, лишь кивнув в знак приветствия. Все было обговорено заранее. На обоих были темные костюмы и голубые рубашки. Лица одинаково упрямые, какие бывают у жестоких и недалеких людей. Они подошли и застыли в трех метрах от седовласого незнакомца, которого, очевидно, знали в лицо. Еще они знали, что тот не любит лишних слов.

– У нас все готово, – доложил один, – весь груз в машине. Вчера еще раз все проверили. Он выезжает на работу обычно в половине девятого. В восемь часов мы будем на месте.

– Хорошо, – кивнул седовласый, – но всего один выстрел. И наверняка. Подъедете на своей машине. Потом бросите ее в переулке, как договаривались, а Марек заберет вас на другом конце улицы. У вас будет четыре минуты. Ровно четыре.

– Мы помним, – сказал один из них. У обоих были характерные азиатские лица, широкоскулые, с мешками под узкими глазами.

– Где машина?

– Уже стоит в гараже.

– Сейчас половина седьмого, – посмотрел на часы седовласый, – успеете до восьми?

– Конечно, успеем. До гаража полчаса. Еще полчаса до его дома. У нас в запасе тридцать минут.

– До свидания, – кивнул седовласый, и все трое вернулись к «Волге».

Он смотрел, как они садятся в автомобиль, как автомобиль разворачивается и отъезжает. Подождав еще минуту, пока «Волга» исчезла в утреннем тумане, седовласый пошел к своей машине. Сквозь темные стекла «Рено» никто из приехавших на «Волге» так и не смог увидеть находившегося там пассажира.

– Все в порядке, – бросил седовласый, усаживаясь за руль.

– Вы им доверяете? – спросил пассажир, все время, пока шел разговор, наблюдавший за приехавшими.

– Я никому не доверяю, – хмуро ответил седовласый, – но это лучший материал, который удалось отобрать.

Его собеседнику на вид было не больше пятидесяти: лысоватый, с крупным мясистым носом, полными щеками, маленькими круглыми глазами-буравчиками, спрятанными за большими стеклами очков.

– Разве можно таким типам поручать столь важное дело? – недовольно спросил он. – Конечно, полковник, это ваше личное дело, но лица у них, как у настоящих головорезов.

– Они бывшие уголовники, – небрежно бросил полковник, – их лица меня не особенно интересовали. Я отобрал самых лучших.

– Надеюсь, – кивнул пассажир, – извините, что я вам еще раз напоминаю, полковник, но все нужно решить сегодня. Обязательно сегодня.

– Это вы мне уже говорили.

– Да, да, простите. Но это очень важно.

Полковник кивнул и, оглядевшись, плавно тронул автомобиль с места.

– И еще, – торопливо добавил пассажир, чуть запнувшись, – думаю, вы предусмотрели вариант на случай, если их схватят. Меня они, конечно, не могли видеть, и все-таки... Надеюсь, вы понимаете, как важно их молчание? В ФСБ умеют допрашивать...

– Они справятся, – кивнул полковник, вырвав на дорогу.

– Может, пару выстрелов они и успеют сделать. Но их могут схватить. Что тогда?

– Нет, – ответил полковник, – не могут.

– И не забывайте, что у них есть обратные билеты в Киев. На сегодня. После операции они не должны оставаться в городе. – Пассажир снял очки и протер стекла неизвестно откуда появившимся у него большим носовым платком. – Вы помните все детали операции?

– Не помню, – ответил полковник, – вы сами говорите, что в ФСБ работают не дураки. Думаю, эту парочку нельзя отпускать в Киев, откуда они могут вернуться к себе на родину.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил пассажир, торопливо водружая очки на прежнее место.

– Насколько я вас понял, в любом случае все должно быть решено сегодня. Вы не знаете, убить любого человека достаточно легко, – продолжил полковник, – от профессионального убийцы не защитит ни одна охрана в мире, но главное не это. Убить политика не проблема. Убить известного политика тем более не проблема. Важнее другое. Кого подставить в качестве убийцы? Трудно найти убийцу, которого можно было бы подставить и показать обычным людям. Именно это самое сложное в нашем деле.

– Это ваши проблемы, господин Слепнев, – быстро пробормотал пассажир, – мне они неинтересны.

– Конечно, – усмехнулся полковник, – мои. Именно поэтому вам не нужно беспокоиться. Эти двое умеют стрелять. Судя хотя бы по их лицам, которые вам так не понравились. А ничего другого от них и не требуется.

– Извините, – с тревогой произнес собеседник, – но сохранение всей операции в тайне – первейшее условие нашего с вами договора. Вы их предупредили об этом?

– Все сохранится в тайне, – угрюмо ответил полковник. – А кто именно будет стрелять, не так важно. Я искал по всему бывшему Союзу, просил найти двух опытных стрелков, не очень известных в Москве. А насчет тайны не беспокойтесь. Там все будет идти по плану, стрелки и дня не проживут после выполнения задачи.

В салоне наступило молчание. Одна секунда, вторая, третья...

– Что вы сказали? – медленно спросил пассажир.

– Я пошутил, – мрачно ответил полковник, глядя прямо перед собой.

– Да, – быстро кивнул собеседник, – конечно же, пошутили. Теперь я вас понял.

Седовласый вел машину осторожно, не спеша, и мимо поста ГАИ они проехали на скорости семьдесят километров.

– Не опоздаем? – спросил пассажир, взглянув на часы.

– Нет, – ответил полковник, – приедем даже раньше. Билеты уже заказаны, и места в первом ряду гарантированы. Нужно только успеть пересесть в другой автомобиль.

Пассажир нервно дернулся. Он хотел было возразить, но передумал, еще раз взглянул на часы и не произнес больше ни слова. В конце концов, через два часа все будет кончено, и они, видимо, никогда больше не увидятся с полковником.

День первый. Москва 07 часов 35 минут

Он взял свой автомобиль из гаража. Предыдущая работа в банке принесла свои ощутимые плоды не только в виде большой роскошной квартиры в центре города, но и нескольких личных автомобилей, которые он приобрел за последние три года. И если Ханифа ездил на темно-синем «Вольво», то сам Полетаев предпочитал новый «СААБ», серии девять пять. Потрясающая отделка внутреннего салона, изысканный дизайн и новейшие достижения в области безопасности делали эту машину лучшей не только в своей серии, но и вообще в Европе. Особые устройства в спинках сидений обеспечивали подъем подголовников в случае столкновения. На лобовом стекле работали три «дворника», каждый с парой разбрызгивателей. И, наконец, в самом салоне была установлена система вентиляции спинок сиденья. Полетаеву больше других нравились шведские автомобили, потому он и остановил свой выбор на «Вольво» и на «СААБе».

Кроме того, в гараже стояли джип «Чероки» – обязательный атрибут любого богатого человека в Москве – и обычные старые «Жигули» шестой модели, оставшиеся еще от прошлой жизни. Открыв гараж, находившийся во дворе, Полетаев посмотрел на часы. Еще не было семи, когда он выезжал со двора, справедливо решив, что пока рано звонить охраннику или водителю служебной машины, чтобы предупредить о своем отсутствии. «Позвоню попозже», – решил Полетаев, не подозревая, что это станет его роковой ошибкой.

Он знал, в какой стороне находится больница, куда могли отвезти Диму, и, выжимая из своего «СААБа» все, на что была способна эта великолепная машина, старался быстрее попасть за город. Благо в это время суток улицы были еще пустынные. Уже на выезде из города его остановили двое офицеров ГАИ, неизвестно каким образом оказавшиеся в столь раннее утро на трассе. Чертыхнувшись, он мягко затормозил машину.

– Извините, – подошел к нему один из офицеров, – вы нарушили правила. Здесь нельзя ездить на такой скорости.

– Знаю, лейтенант, – кивнул Полетаев, – у меня внук в больнице, я очень спешу.

– Ваши документы, – строго сказал старший лейтенант. Второй офицер предусмотрительно стоял чуть в стороне.

Полетаев достал права, протянул офицеру. Что-то насторожило стража порядка. То ли легкость, с какой Полетаев протянул документы, то ли его непонятное равнодушие к самому факту задержания. Офицер взглянул на права, потом на человека, сидевшего за рулем.

– Я, кажется, вас где-то видел, – нерешительно сказал он.

– Возможно, – улыбнулся Полетаев, – я иногда выступаю по телевизору.

Он действительно только вчера в информационной программе объяснял смысл новых предложений, с которыми должен был выступить через два дня в Государственной Думе.

– Больше не нарушайте, – вернул ему документы офицер.

Когда машина уже отъехала, он сказал своему напарнику:

– Артист попался.

Полетаев, продолжая наращивать скорость, торопился к больнице, когда в салоне раздался вызов его мобильного телефона. Это был Ханифа. Он сообщил, что на даче все в порядке. Полетаев напомнил, чтобы они не спешили в город, и снова увеличил скорость.

Больница находилась в пяти километрах от трассы, и Артем, не заметив указателя, проехал мимо. Сделав круг, он вернулся и проехал к больнице. Ранним утром в кремлевской поликлинике, куда обычно прикрепляли семьи министров, наверняка никого не было, так что жена сделала правильно, решив отвезти ребенка в местную больницу. Или же она отвезла Диму в

ближайшее лечебное заведение потому, что ему было совсем плохо? Подумав об этом, Полетаев еще прибавил скорости и через минуту уже тормозил около больницы.

У трехэтажного здания было припарковано всего несколько автомобилей, а также машина «Скорой помощи». Бросившись в здание, Полетаев подскочил к сидевшей за столиком сонной дежурной медсестре.

– Сюда должны были привезти мальчика, – взволнованно обратился он к девушке.

– Какого мальчика? – не поняла она. – При чем тут мальчик?

– К вам должны были привезти мальчика, отравившегося грибами, – разозлился Полетаев, доставая свой мобильный телефон, – может, скажете, куда его направили?

Он уже набирал номер телефона супруги, намереваясь узнать, где она находится, когда дежурная наконец вспомнила.

– Ах, мальчик, – сказала она, – на втором этаже. Он, наверно, у Володи.

– Кто такой Володя? – едва сдерживая ярость, спросил Артем Сергеевич, убирая телефон.

– Дежурный врач, – пояснила она.

Девушка еще что-то говорила, когда он помчался к лестнице. Неужели с ребенком что-то серьезное? На втором этаже в коридорах никого не было. Рывком раскрывая двери, он заглядывал в кабинеты, пока не обнаружил в одном из них молоденькую медсестру, испуганно вскрикнувшую при виде незнакомого человека.

– Извините, – пробормотал Артем Сергеевич, – мне нужен Володя...

– Пойдемте со мной, – сказала девушка.

Она шла, то и дело оглядываясь на Полетаева. Его лицо ей показалось знакомым. «Черт подери, – раздраженно подумал он. – Неужели и она меня узнала?»

Девушка провела его к кабинету в самом конце коридора и открыла дверь. Полетаев вошел и увидел сидевшего за столом молодого врача и свою супругу.

– Люда, что случилось?

Супруга подняла глаза, покачала головой:

– Он еще спрашивает. Ты представляешь, у ребенка отравление, нужно срочно делать промывание желудка.

– А где сам Дима?

– Я здесь, дедушка, – раздался из соседней комнаты Димин голос, и Артем Сергеевич поспешил туда. Дима лежал на кушетке и улыбался. Видимо, ничего страшного с мальчиком не случилось. Супруга зря подняла панику. Полетаев сел рядом с внуком.

– У тебя что-нибудь болит? – спросил.

– Нет, – улыбаясь, ответил Дима, – меня вырвало, а бабушка сказала, что я отравился.

– Ты много грибов съел?

– Нет, только попробовал. Они кислые были, мне не понравились. Я только один гриб съел.

– Как кислые? – не понял Полетаев.

– Из банки, кислые, – подтвердил Дима, – они ее только открыли, и я попробовал.

– Он отравился, – сказала жена убежденно, – нужно срочно делать промывание. Я попросила доктора еще раз осмотреть ребенка. Но промывание мы можем сделать и в кремлевке.

Она специально произнесла это слово громко, чтобы слышали и дежурный врач, с усталым лицом и добрыми глазами доктора Айболита, и медсестра, с испуганным видом стоявшая у дверей. В комнату вошел Евгений Константинович, их сосед по даче, бывший военком, а сейчас пенсионер. Ему перевалило за шестьдесят, но это был еще крепкий мужчина с густой копной седых волос.

– Здравствуйте, Артем Сергеевич, – поздоровался он, проходя во вторую комнату.

– Здравствуйте, – кивнул Полетаев, – спасибо, что помогли нашим.

– Ты слышал, что я сказала, – перебила его жена, – ребенка нужно срочно везти в нашу поликлинику.

– Он не отравился, – произнес Полетаев, – он попробовал маринованных грибов из банки.

– Каких маринованных? – разозлилась жена. – Кто тебе сказал?

– Дима сказал. От одного гриба ничего серьезного случиться не может.

– Как это не может? Как это не может?! – Ее лицо пошло красными пятнами, как бывало всегда, когда она нервничала. – Что ты говоришь? Ребенка нужно спасать, а ты приехал сюда со своими советами. Мне даже неудобно перед Евгением Константиновичем.

Когда она заводилась, ее трудно было остановить. Полетаев вышел в другую комнату, сел на стул, стоявший у стола, и спросил у врача:

– Что-нибудь серьезное?

– По-моему, нет, – ответил врач, усаживаясь напротив. Очевидно, это и был тот самый Володя, – я осмотрел мальчика. Все нормально. Можно ограничиться антибиотиками. Судя по всему, ничего серьезного. Тем более если он съел всего один гриб.

– Как это ничего серьезного? – вышла из другой комнаты Люда. – Нужно немедленно везти ребенка в кремлевку, не то мы можем потерять внука.

– Хорошо, – поморщился Полетаев, – но сейчас там еще никого нет. Ведь только половина восьмого утра.

– Ничего, – нервно сказала жена, – там более квалифицированные врачи.

– Пусть ребенок полежит немного, – предложил врач, – не нужно его дергать.

– Это наш внук, – зло ответила Люда, – и мы сами решим, что с ним делать.

Она снова пошла в комнату к мальчику. Врач посмотрел на Полетаева, сочувственно вздохнул. Тот достал пачку сигарет, протянул врачу, словно извиняясь перед ним за поведение супруги. Врач усмехнулся, увидев пачку «Картье».

– Вы бизнесмен? – спросил, доставая сигарету.

– Нет, – Полетаев щелкнул зажигалкой, дал прикурить врачу, закурил сам, – но одно время служил в коммерческом банке.

– Лицо у вас очень знакомое, – кивнул врач, – я думал, вы бизнесмен. Ваша жена говорила про кремлевку.

– В наше время министров знали в лицо, – строго сказал Евгений Константинович, появляясь в первой комнате.

Володя вытащил изо рта сигарету.

– Seriously? – спросил он как ни в чем не бывало. – Вы действительно министр? – Медсестра, близкая к обмороку, с ужасом смотрела на Полетаева.

– Seriously, – кивнул Полетаев, – уже несколько месяцев.

– Это вы вчера выступали по телевизору? – вспомнила медсестра. – Я видела вас в информационной программе.

– А я не смотрю эти программы, – честно признался врач, – надеюсь, вы не министр здравоохранения?

– Хуже. Министр финансов.

– Так вот кто нам не платит зарплату уже три месяца, – добродушно заметил врач, – теперь буду знать.

Из второй комнаты вышла Люда с ребенком.

– Мы едем в кремлевку, – заявила она, – ребенку необходимо промывание. Я не могу доверить жизнь нашего мальчика всяким дежурным врачам, – сказала она, глядя на Володю. Но тот оставался невозмутимым. Он пожал плечами.

– Если вы так считаете, – сказал он, – но ничего опасного нет.

– Это нам решать, – твердо сказала Люда. – Артем, мы едем в кремлевку. Или на Грановского. Там наверняка есть дежурные врачи.

Больницу на Грановского, обслуживавшую высшее руководство, раньше называли «заслуженным климаторием страны». Рассказывали, будто именно здесь лечились престарелые члены Политбюро, некоторые даже уезжали отсюда на работу, а потом возвращались.

– Поедем, – обреченно согласился Полетаев, вставая. Он достал начатую пачку сигарет и протянул врачу. – В качестве моральной компенсации, – пробормотал, усмехнувшись.

– Вместо зарплаты? – улыбнулся Володя, тоже поднявшись, но сигареты взял.

– Спасибо вам, Евгений Константинович, – Полетаев пожал руку военному.

– Если хотите, повезу их в Москву, – предложил сосед.

– Ничего, – улыбнулся Полетаев, – у меня еще есть время до девяти.

Жена, не дожидаясь его, уже вышла, крепко схватив за руку внука. Артем Сергеевич, кивнув врачу и медсестре, вышел следом. Когда Полетаев и его экзальтированная супруга скрылись за дверью вместе с мальчиком, он сказал медсестре:

– Хороший мужик, понимающий.

День первый. Москва 8 часов 09 минут

«Волга» остановилась у гаража, и оба пассажира быстро вышли из салона. Вокруг было многолюдно, из соседних гаражей выезжали автомобили, увозя хозяев на работу. Пассажиры «Волги» не очень выделялись на их фоне, и на них никто не обращал внимания.

Один открывал ворота, пока второй прогревал в гараже мотор стоявшего там автомобиля. Через несколько минут оттуда выехала черная «девятка». Второй пассажир закрыл ворота и сел на заднее сиденье автомобиля. Водитель «Волги», наблюдавший за ними, кивнул на прощание. Со стороны могло показаться, что он просто подвез двух своих знакомых до гаража. Когда «девятка» отъехала, он достал мобильный телефон, набрал номер.

– Все в порядке, – доложил он, – ребята уже выехали.

– Поезжай к «дяде», – приказал полковник, – и жди их там.

– Они выехали, – сказал Слепнев, убирая свой телефон. Сидевший рядом мужчина в ответ кивнул. Пока все шло точно по плану.

Оба уже пересели из «Рено» в серебристую «Хонду-Аккорд». Полковник хорошо знал, что в большинстве своем даже москвичи все еще с трудом различают иномарки, но, верный своим принципам, не собиравшись рисковать.

– Они должны быть на месте примерно через девять минут, – посмотрел на часы полковник, – мы можем подъехать чуть позже, чтобы проконтролировать их действия.

– Вы всегда все лично контролируете? – спросил пассажир.

– Всегда, – полковник надел темные очки и, повернув руль, направил машину в сторону площади. Слепнев был в легких кожаных перчатках и, кажется, не особенно торопился. Остановил машину, когда зеленый свет менялся на желтый и вполне можно было проскочить. Пассажир недовольно посмотрел на полковника, но ничего не сказал. Не решился.

– У нас еще много времени, – бросил полковник, заметив его взгляд, – не следует особенно торопиться.

– У меня нет вашего опыта, – не выдержав, огрызнулся пассажир.

В его словах таился оскорбительный намек, но полковник лишь усмехнулся в ответ. «Хонда» продолжала двигаться в сторону центра. В это время «девятка» затормозила у магазина канцелярских товаров, который еще не открылся. Убийца на заднем сиденье потрогал лежавший рядом гранатомет и чему-то улыбнулся. Второй убийца, водитель, сказал:

– Приехали. – И указал на новый шестнадцатиэтажный дом.

– Не подъезжай, – предупредил второй, – еще есть несколько минут. Не торопись.

Часы показывали семь минут девятого. Через полторы минуты на другой стороне улицы у нужного им дома появилась «Хонда», которая медленно проехала мимо них. Убийцы не обратили внимания на сидевших в машине людей.

– Куда это мы направляемся? – спросил пассажир «Хонды» у полковника Слепнева.

– Мы подъедем сюда через двадцать минут, – ответил Слепнев, доставая телефон. Набрал номер, спросил: – Как у вас дела?

– Стоим у гаража, – ответили ему, – как только их автомобиль проедет мимо, я вам позвоню.

– Хорошо. – Полковник убрал телефон и посмотрел на пассажира: – Их машина еще не выехала из гаража.

– Вы следите за ней? – догадался пассажир.

– Конечно. Как только они выедут из гаража, за ними будет установлена слежка. Вы, смотрю, еще не поняли, что мы работаем на профессиональном уровне?

– Это я давно понял, – кивнул пассажир, – но зачем следить за машиной? Она ведь все равно приедет к дому.

– А если это засада? Если ваша информация уже просочилась и нас будут ждать, когда мы попытаемся нанести удар? Такое вполне возможно!

– Вы нам не доверяете, – усмехнулся пассажир, – но ведь это мы вас вытащили из тюрьмы.

– Я помню. Но вы могли сделать это специально, чтобы затем подставить меня во время покушения.

– Что? – изумился пассажир. – Вы серьезно могли так подумать?

– После того как меня один раз подставили, я могу думать все, что угодно, – ответил Слепнев. – В прошлый раз я тоже не думал, что окажусь в тюрьме, тем не менее меня сдали самым постыдным образом. А я всего лишь выполнял данное мне задание. Именно поэтому я теперь никому не верю и вариант с моей подставкой тоже не могу исключить. Я слишком выгодный «убийца», которого можно предъявить в случае необходимости. Кроме того, я должен был иметь гарантии. И в любом случае нужно отследить, кто именно поедет за министром. Кроме водителя и охранника, там никого не должно быть.

– Делайте, как считаете нужным, – согласился пассажир, – главное, чтобы все случилось именно сегодня. У нас не так много времени в запасе. Завтра утром он улетает. Значит, либо сегодня, либо никогда. Как вы добиваетесь результата, это не столь важно. Только поэтому и было решено обратиться к вашему опыту. Ваши методы апробированы, и вы, очевидно, знаете, что делаете.

– Вот именно, – сказал полковник. Посмотрел на часы и добавил: – У нас в запасе еще около двадцати минут.

День первый. Москва 8 часов 25 минут

Полетаев посмотрел на часы. Нужно предупредить водителя служебной машины, что он уже выехал из дома. Артем Сергеевич достал мобильный телефон, чтобы набрать номер, когда торопившийся «жигуленок» едва не подрезал его автомобиль. Полетаев резко затормозил. Жена, сидевшая на заднем сиденье вместе с внуком, успела удержать мальчика, но сама больно ушибла руку и злобно зашипела:

– Тебе обязательно нужно звонить именно сейчас?

– Хотел предупредить водителя, – объяснил Полетаев, – они приедут за мной, а меня дома нет. Им придется ждать, я не успею вернуться до половины девятого.

– Ничего, подождут, – разлилась жена, – ребенок важнее, чем твой новый водитель. Он не один приедет, с охранником. Ничего с ними не случится.

– Неудобно, – пытался возражать Полетаев, но телефон убрал.

– Не отвлекайся, – шипела жена, – нужно быстрее доехать до поликлиники.

Он едва не сорвался, хотел сказать все, что думает. Но, посмотрев на притихшего внука, в который уже раз промолчал. Сейчас не время спорить. Он довезет их до поликлиники и оттуда позвонит Ханифе. Тот, наверно, уже вернулся в город.

Недалеко от поликлиники ребенка снова стошнило. Он что-то пробормотал, бабушка наклонилась к нему, и его вырвало.

– Один гриб, – гневно сказала жена.

Полетаев протянул ей платок и увеличил скорость. Она явно нервничала. Неудивительно, тревожится за внука – подумал муж. Впрочем, взрывалась она постоянно. Еще задолго до его рождения. Когда подъехали к поликлинике, Полетаев вынес мальчика из машины и поспешил к зданию. Жена побежала следом. Врачи уже были на месте. Людмила сразу направилась в известный ей четырнадцатый кабинет, а Полетаев передал ребенка врачу. Но только достал телефон и набрал нужный номер, как его позвала жена.

– Артем Сергеевич, – на публике Людмила теперь называла мужа не иначе как по имени-отчеству, полагая, что это прибавляет ему веса, и желая привлечь внимание к его высокой должности. Однако звучало это достаточно странно, если не сказать фальшиво.

Полетаев убрал телефон, и с губ его едва не сорвалось ругательство. Рядом с женой стоял заместитель главного врача. Пока мальчиком занимались сразу несколько специалистов в белых халатах, заместитель главного рассыпался в любезностях перед семейной четой Полетаевых. Артем Сергеевич не выдержал и посмотрел на часы – половина девятого. Извинившись и не обращая внимания на возмущенный взгляд жены, Полетаев отошел в сторону и уже в третий раз достал свой мобильный телефон. Теперь он позвонил сначала Ханифе. Тот подтвердил, что привез в город Катю с девочкой и Катя уже успела вызвать няню.

– Приезжай за женой в поликлинику, – сказал Полетаев, – я возвращаюсь домой. Там меня наверняка уже ждут.

– Будем через пятнадцать минут, – ответил Ханифа, – Катя со мной.

После этого Полетаев позвонил новому водителю и, когда тот снял трубку, спросил:

– Давно ждете?

– Только подъехали, Артем Сергеевич, – доложил водитель, – Славе подняться к вам?

Славой звали прикрепленного к министру охранника.

– Нет, – ответил Полетаев, – я не дома. Давайте лучше я сам доеду до министерства, и там мы с вами увидимся.

– Может, заехать за вами? – предложил водитель. – Где вы сейчас находитесь?

– Нет, я на машине, – ответил Полетаев, подумав, что водитель, наверно, прав. В министерстве не поймут, почему новый министр приезжает на собственной машине, да еще сам сидит за рулем. Как бы это не сказало на его авторитете.

– Приезжайте, – согласился Полетаев, – я в поликлинике. Адрес знаете?

Водитель сказал, что знает. Полетаев подошел к жене, беседующей с врачом.

– Вы можете ехать на работу, – сказал заместитель главного врача, – если торопитесь. Не беспокойтесь, мы приняли все меры.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Полетаев, – у меня еще есть немного времени. Сейчас приедет мой водитель.

– Хочешь оставить нас здесь одних? – спросила жена. Вместо того чтобы пройти к ребенку, она разговаривала с заместителем главного врача. Ей нравился статус жены члена правительства, и она буквально купалась в лучах славы своего высокопоставленного супруга.

– Вы не останетесь одни, – мягко объяснил Полетаев, – сейчас приедут Ханифа с Катей.

– Она взяла девочку с собой? – Кажется, жена искала повод, чтобы выказать свое недовольство, а заодно и подчеркнуть перед посторонним, кто в доме главный. Но на Полетаева такие приемы уже давно не действовали.

– Она успела вызвать няню, – сказал он жене, – так что не беспокойся. Можешь ехать домой, Катя останется с мальчиком.

– Только этого не хватало, – возразила жена, – я останусь здесь, если нужно, на весь день.

– Хорошо. Ханифа будет ждать вас.

– Ты поедешь в министерство на своей машине? – переспросила она. – На «СААБе»?

Полетаев усмехнулся. Ведь и он об этом подумал. За долгие годы совместной жизни они научились мыслить почти одинаково, несмотря на постоянные стычки и ссоры.

– Чему ты улыбаешься? – спросила Людмила.

– За мной приедет служебная машина. Я уже позвонил, – объяснил Полетаев.

По коридору к ним спешил главный врач, узнавший о том, кто пожаловал в поликлинику с самого утра. Ведь как бы то ни было, члены правительства – не обычные пациенты, даже в элитарной поликлинике.

День первый. Москва 8 часов 34 минуты

В любой стране мира, где есть автомобильная промышленность, члены правительства пользуются, как правило, служебными машинами отечественного производства. В любой стране мира, кроме России, где члены правительства и депутаты предпочитают германские или шведские автомобили. И хотя качество российских автомобилей зачастую оставляло желать лучшего, столь непатриотичный выбор в любой другой стране сразу бы сказался на голосах избирателей.

Служебным автомобилем, закрепленным за министром финансов, раньше был «шестисотый» «Мерседес», но потом его заменили на более новую «Ауди» из серии А8, и теперь эта большая черная машина подъезжала каждое утро к дому министра, чтобы отвезти его на работу. В автомобиле, кроме водителя, сидел еще охранник, Вячеслав Руднев, которому шел двадцать седьмой год. Отслужив два года в армии, он поступил в университет, на заочный факультет, и устроился в небольшую охранную фирму, откуда перешел потом в службу охраны, где и получил назначение сначала рядовым охранником в кабинет министров, а затем телохранителем к министру финансов.

Они подъехали к дому в половине девятого и остановились, согласно инструкции, напротив подъезда, откуда должен был выйти министр. Руднев ждал звонка министра, чтобы подняться за ним. Автомобиль стоял у дома, и соседи, уже привыкшие к тому, что машина министра въезжает во двор, спешили на работу, обходя «Ауди».

Черная «девятка» отъехала от канцелярского магазина и подъехала к дому с другой стороны, откуда не было въезда во двор. Высокая решетка преграждала въезд с этой стороны дома, и ворота почти всегда были закрыты. «Девятка» встала рядом с решеткой, и оба находившихся в ней пассажира посмотрели на стоявшую у третьего подъезда «Ауди».

– Они здесь, – сказал водитель. Второй, сидевший на заднем сиденье, кивнул.

– Они проедут мимо нас, – продолжал водитель, очевидно, успокаивая себя подобным образом. Второй продолжал хранить молчание.

Они не могли видеть стоявшую в конце улицы «Хонду», в которой сидели полковник Слепнев и его пассажир.

– Почему мы встали здесь? – спросил пассажир. – Отсюда ничего не видно. Или вы подъедете ближе?

– Зачем? – усмехнулся полковник. – То, что нам нужно, мы увидим, а ближе чем на пятьсот метров подъезжать опасно. Машину могут заметить, могут запомнить наши лица. А мне это ни к чему. Да и вам, по-моему, не нужно.

– Вы видите их «девятку»? До нее больше километра. Отсюда она кажется черным пятнышком.

– Зато второе пятнышко мы увидим. А оно для нас гораздо важнее первого.

– Как знаете, – пожал плечами пассажир, – нас интересует результат.

В «Ауди», стоявшей у дома, раздался звонок. Полетаеву удалось наконец дозвониться до своего водителя. Водитель снял трубку:

– Слушаю вас, – сказал он и, узнав голос министра, кивнул сидевшему рядом Рудневу. Тот открыл дверцу, уже готовый выйти из автомобиля.

В этот момент Полетаев спросил:

– Давно ждете?

– Только подъехали, Артем Сергеевич. – Охранник держал дверцу открытой, ожидая знака водителя. Наконец тот кивнул Рудневу. Вячеслав вышел из машины, и в этот момент водитель спросил: – Славе подняться к вам?

– Нет, – ответил министр, – я не дома.

Водитель увидел, как Руднев отошел от автомобиля и набрал код, чтобы открыть дверь в подъезд. Водитель прикрыл телефон рукой и крикнул:

– Стой.

Руднев обернулся, а министр сказал водителю:

– Давайте лучше я сам доеду до министерства, и мы с вами там увидимся.

Водитель удивился. Обычно министры так себя не вели, даже молодые. Может, он у любовницы? Впрочем, это его дело.

– Может, за вами заехать? – на всякий случай уточнил водитель. – Где вы сейчас находитесь? – Руднев в это время открывал дверцу, собираясь сесть в автомобиль.

– Нет, я на машине, – ответил министр, удивив водителя еще больше. Может, Полетаев уехал со своим личным водителем, Ханифой? И вдруг министр сказал: – Приезжайте, я в поликлинике. Адрес знаете?

Водитель сказал, что знает, Руднев залез в машину и спросил:

– Что случилось?

– Наш шеф в поликлинике, – пояснил водитель, – поехали за ним. Наверно, вызвал своего семейного водителя. Может, плохо себя почувствовал ночью?

– Подожди, – сказал Руднев, – я, кажется, не закрыл дверь подъезда.

Убийцы видели, как охранник снова вышел из автомобиля и быстрыми шагами направился к подъезду.

– Наверно, министр спустился, – сказал водитель.

Для его напарника это был сигнал. Он склонился над гранатометом. Водитель продолжал следить за охранником. Тот подошел к двери. В этот момент рядом с машиной появилась высокая блондинка в мини-юбке. Водитель бросил на нее взгляд и улыбнулся. Девушка ответила улыбкой. Когда он снова посмотрел на машину, охранник уже закрывал дверцу «Ауди», после чего она мягко выехала со двора.

– Все, – сказал водитель, – они выезжают.

Он готов был поклясться, что министр вышел из дома и сел в машину. Они собственными глазами видели, как охранник вылез из машины, подошел к двери, как потом вторично вышел из машины. И снова сел в нее. Как вышел из дома министр, водитель не видел, но не сомневался в этом, полагая, что это произошло, когда он отвлекся на блондинку. А потому, показав на «Ауди», громко сказал:

– Сейчас будут.

Второй убийца поднял гранатомет, прицеливаясь. Машина должна была проехать в нескольких метрах от них, и, следовательно стрелять нужно было до того, как она окажется рядом. Водитель огляделся. После выстрела нужно будет быстро уехать. Пока все было спокойно. Водитель слегка дрожащей рукой открыл «бардачок», достал пистолет. На всякий случай положил его на заднее сиденье.

Показалась «Ауди». Она обогнула дом, чтобы выехать на проспект.

– Едут, – сообщил водитель.

Второй убийца поднял гранатомет. «Ауди» приближалась. В последнее мгновение водителю показалось, что в машине сидят только двое, но сказать об этом он не успел. Убийца выстрелил. Граната попала в «Ауди», когда она находилась в тридцати метрах от «девятки». Громкий взрыв заставил вздрогнуть прохожих. «Ауди» на полном ходу взорвалась, но не перевернулась.

Ехавшая следом «семерка» резко затормозила, и в нее врезалась идущая сзади «Тойота».

– Уезжай, – крикнул убийца, видя, что напарник замешкался. Но у водителя дрожали руки, и он никак не мог завести машину. Наконец «девятка» рванулась с места. Громко кричала женщина, отовсюду спешили люди.

– Вот и все, – сказал Слепнев, увидев в конце улицы яркую вспышку, – мы выполнили ваше задание.

– Выполнили, – подтвердил пассажир, вытирая пот, – все сделали идеально.

– Нет, – усмехнулся Слепнев, – еще не все...

День первый. Москва 8 часов 58 минут

Ханифа приехал ровно через двенадцать минут. Он вошел в поликлинику, приблизительно зная, где может находиться его хозяйка. Полетаев подумал, что личные водители и секретари обычно знают о семье своих начальников больше, чем сами члены семьи. Ханифа нашел нужный кабинет гораздо быстрее, чем это сделал бы сам Полетаев. Впрочем, найти главного врача оказалось несложно. Главный любезно отвел Артема Сергеевича в свой кабинет, распорядился принести чаю. Войдя, Ханифа вежливо поздоровался, и в тот же момент в кабинет буквально ворвалась Катя. Увидев отца, она бросилась к нему.

– Где Дима?

– Ничего страшного, – попытался успокоить ее отец, – он с бабушкой. Ему делают промывание.

– Можете не беспокоиться, – сказал главный врач, вставая, – мы примем все необходимые меры.

– Я хочу знать, где мой сын, – решительно заявила Катя.

Главврач посмотрел на Полетаева, тот кивнул, и врач повел Катю к сыну. В конце концов, не каждый день к ним приезжают министры. Нужно проявить личное участие. Когда Катя и врач вышли, Полетаев вздохнул. Женщины вечно переживают по поводу и без повода. Он позвал Ханифу.

– Машина внизу?

– Не видел, – ответил водитель. – Наверно, еще не успели доехать. Везде пробки, – добавил и предложил: – Хотите, отвезу вас на работу?

– Нет, – возразил Артем Сергеевич, – они будут с минуты на минуту.

Он набрал на мобильном номер. Не соединился. Странно! Будь номер отключен, ему сообщили бы в компании. Снова набрал номер, и на этот раз услышал, что номер отключен.

– Черт возьми, – пробормотал он, – почему? Что там у них стряслось?

– Может, случайно задели? – Ханифа не хотел подставлять второго водителя.

– Как это «случайно»? – разозлился Полетаев. – Там же их двое. Водитель и охранник. Чем они занимаются? И как можно отключать телефон в служебной машине?

– Может, батарейка села?

– Какая батарейка? Там есть еще правительственный телефон, – он снова посмотрел на часы. – Я опаздываю на работу.

– Сейчас спущусь вниз, посмотрю. Может, уже приехали, – предложил Ханифа, видя, как нервничает Артем Сергеевич, и выбежал из кабинета. Полетаев в свою очередь вышел в коридор и спросил у миловидной девушки-секретаря:

– Не знаете, где мой внук?

– Я думала, это ваш сын, – кокетливо улыбнулась девушка, – ему делают промывание. Не беспокойтесь, с ним все в порядке.

В этот момент в приемную вошла Катя.

– Как мальчик? – спросил Артем Сергеевич. Очевидно, в тот кабинет, где была Люда, ее не пустили.

– Они там, – нервно ответила дочь, доставая сигареты, но тут же смутилась и спрятала их в сумочку, вспомнив, что при отце не курит. Полетаев вышел из приемной. Настроение было испорчено окончательно. Он то и дело поглядывал на часы, снова стал набирать нужный номер и снова услышал, что аппарат отключен. Едва сдерживая ярость, он позвонил в свою приемную, рассчитывая, что секретарша уже на месте. И действительно, она сразу взяла трубку.

– Здравствуй, Инна, – поздоровался Полетаев.

– Доброе утро, Артем Сергеевич.

– Зайди ко мне в кабинет и позвони по правительственному в машину. Узнай, где они застряли. Что там случилось. И не клади трубку. Я буду ждать.

– Хорошо. – Он слышал, как девушка набрала номер. И через какое-то время осторожно сказала: – Телефон не отвечает, Артем Сергеевич.

– Я просил позвонить по правительственному, – раздраженно сказал Полетаев, – а не по городскому.

– Я и звонила по правительственному, – испуганно проговорила девушка.

– Выясни, в чем там дело! – крикнул Артем Сергеевич. – Куда они пропали и почему не отвечают на звонки.

Он вошел в приемную и увидел курившую Катерину. Заметив отца, она хотела затушить сигарету, но рядом не было пепельницы, и она убрала ее за спину.

– Скажи маме, что я уехал в министерство, – бросил Полетаев, – Ханифа через полчаса приедет за вами.

Он бегом спустился с лестницы. Вовсе не обязательно опаздывать на работу. У ворот стояли его «Вольво» и «СААБ». Третья машина как сквозь землю провалилась.

– Черт возьми, куда же они подевались?

Ханифа явно пытался куда-то дозвониться по мобильному, нервничая еще больше, чем шеф.

– Ханифа, – окликнул его Полетаев, – поедем на моей машине. Оставишь ее возле министерства, а потом вернешься сюда на такси. Не хочу, чтобы моя машина мозолила глаза у поликлиники.

– Хорошо, Артем Сергеевич. – Ханифа закрыл «Вольво», взял ключи и поспешил открыть «СААБ».

По дороге они дважды едва не попали в пробку, но Ханифа уверенно объезжал опасные места. Из-за сумасшедшего движения в эти утренние часы в министерство на Ильинку им удалось доехать только через двадцать пять минут. По дороге Полетаев еще дважды звонил в свою служебную машину, и оба раза любезный женский голос отвечал, что номер отключен.

Когда они подъехали наконец к министерству, Полетаев, выйдя из машины, напомнил Ханифе, чтобы возвращался в поликлинику на такси, и поспешил на службу. При входе он увидел изумленно смотревшего на него дежурного сотрудника милиции, но не придавал этому никакого значения. Но когда один из служащих, увидев Полетаева, остолбенел и выронил папку с документами, Артем Сергеевич, входя в лифт, подумал с раздражением: «Что сегодня творится?» Поднявшись на свой этаж, он твердо решил уволить водителя служебной машины, так и не приехавшего за ним в поликлинику.

Но самая большая неожиданность ждала Полетаева в приемной. Когда он вошел, Инна, секретарша, почему-то плакала. Там собрались люди, незнакомые и знакомые, в том числе оба его заместителя. При появлении Полетаева все обернулись к нему, с трудом скрывая ужас, смешанный с удивлением.

– Он жив! – крикнул кто-то, показывая на министра.

Инна испуганно вздрогнула. Полетаев с недоумением смотрел на столпившихся в его приемной людей. Молчание длилось несколько секунд, пока наконец министр раздраженно не спросил у одного из заместителей:

– Что здесь происходит, Владлен Алексеевич?

– Мы думали, вы погибли, – объяснил в замешательстве заместитель, – слава богу, что вы живы.

– Почему вы так решили? – не переставал недоумевать Полетаев.

– Ваша машина... – тяжело дыша, сказал Владлен Алексеевич: очевидно, и для него внезапное воскрешение министра явилось почти чудом. – Сегодня утром у вашего дома взорвали ваш автомобиль. Нам сообщили, что все находившиеся в машине погибли...

В наступившем молчании Полетаев вдруг подумал, что маленький Дима спас ему жизнь.

День первый. Москва 9 часов 08 минут

– Вы можете улететь сегодня в Санкт-Петербург, – сказал, переводя дух, пассажир. Он никак не мог прийти в себя после столь ошеломляюще эффектного взрыва министерской «Ауди». Слепнев равнодушно смотрел, как нервничает пассажир.

– Я уеду, – кивнул полковник.

– Да, да, конечно. Билет на поезд у вас есть. В Санкт-Петербурге сядете в автобус, который идет в Финляндию. Паспорт вам передаст наш человек вместе с туристической путевкой. На ваше имя в шведский банк уже переведены деньги.

– Я уеду, – продолжал полковник, – но лишь после того, как сделаю еще одно дело.

– Какое? – испуганно спросил пассажир.

– Нельзя оставлять в живых свидетелей, – пояснил Слепнев, глядя прямо перед собой.

– Что? Что вы имеете в виду? – наверняка собеседник подумал о самом себе. Полковник посмотрел на него своими пустыми глазами и надел темные очки.

– Я не имел в виду вас, – бросил презрительно.

– Какие свидетели? О чем вы говорите? Остановите автомобиль, я выйду. Вы сделали все, что от вас требовалось.

– Спокойно, – посоветовал Слепнев, – во-первых, вы никуда не выйдете. Сначала мы поедим к нашему другу и уточним через банк сумму, которую мне перевели. Затем в Санкт-Петербурге мой человек получит паспорт у вашего. И только после этого я вас отпущу.

– Вы ненормальный, – упавшим голосом сказал пассажир.

– Да, – согласился Слепнев, – но именно поэтому я до сих пор жив. Представляете, как трудно выживать «ликвидатору»? В нашем деле нужно предусматривать не столько саму ликвидацию, сколько возможные пути отхода. Выстрелить в человека нетрудно, гораздо труднее уйти от преследования. Или вообще исчезнуть, не оставив следов. А те двое, которые сегодня стреляли, – следы. И очень грязные следы. Может быть, я когда-нибудь захочу вернуться в Россию, зачем же оставлять после себя такую память?

– Хотите их убрать? – понял наконец пассажир. – Но это же ваши люди!

– Именно поэтому, – невозмутимо ответил полковник.

– Но меня-то зачем задерживать? – явно нервничая, спросил пассажир. – Или вы подозреваете обман с нашей стороны?

– Не подозреваю, – усмехнулся полковник. Пассажир удовлетворенно кивнул головой, – а знаю, – договорил Слепнев. Пассажир нервно дернулся. – Именно поэтому, – продолжал полковник, – я и настаивал, чтобы вместе со мной был на операции и ваш представитель. Обычно я никогда не беру с собой лишних свидетелей, но тут случай особый. Слишком велик соблазн убрать меня в Санкт-Петербурге и списать все на бежавшего уголовника.

В последних словах полковника прозвучала горечь, несмотря на все его самообладание, и это не ускользнуло от пассажира.

– Не стоит так нервничать, – заметил пассажир, – никто не собирается вас обманывать.

– В таком случае вы напрасно волнуетесь. Через несколько часов будете дома.

– Но мы так не договаривались, – возразил пассажир. – Сами подумайте, зачем нам вас устранять? Не для этого мы вытаскивали вас из тюрьмы.

– Только для этого, – улыбнулся Слепнев, – не стоит спорить, скоро будем на месте, – он крутанул руль.

– Ваши люди приедут туда на своей «девятке»? – спросил пассажир не без тревоги. Слепнев снял очки, взглянул на него.

– Вы слишком много знаете для дилетанта, – заметил с угрозой.

– Пора бы догадаться, что я не дилетант, – разозлился пассажир, – иначе не поехал бы с вами.

– Не волнуйтесь, – полковник снова надел очки, – согласно моему плану, они бросят «девятку» в переулке рядом с домом. На соседней улице их будет ждать Марек на своей машине. Мы не идиоты, чтобы подставлять себя таким примитивным способом.

Пассажир молчал. Полковник включил радио, заиграла музыка. «Хонда» неслась в юго-западном направлении.

– Можете не ждать, пока мы приедем на место, – сказал Слепнев, – позвоните прямо отсюда и сообщите о моих условиях. Пусть назовут номер счета в банке, я проверю, куда переведены деньги.

– Насчет паспорта тоже узнать? – спросил пассажир.

Слепнев с трудом сдержался, чтобы не повернуться к нему, и, чуть помедлив, ответил:

– Да. Насчет паспорта тоже.

Пассажир с мобильным телефоном в руке какое-то время смотрел на него, потом тихо спросил:

– Вам не нужен паспорт, верно?

Полковник промолчал.

– Вам нужны только деньги, – сказал пассажир, – документы вам ни к чему.

Слепнев по-прежнему смотрел на дорогу.

– Тогда к чему весь этот цирк? – поинтересовался пассажир. – Мы ведь и без этого понимаем друг друга.

– Звоните, – бросил одно-единственное слово полковник, и пассажир набрал нужный номер.

– Все прошло нормально, – доложил пассажир, – но нашего друга интересует номер счета. Абонент на том конце провода, видимо, не удивился, потому что сказал:

– Хорошо, через полчаса сообщим. Скажи, что он нам еще понадобится. Пусть оставит какой-нибудь канал для связи. По его усмотрению.

– Ясно. – Пассажир отключился и посмотрел на Слепнева.

– Он сообщит номер счета через полчаса.

– Прекрасно, – кивнул полковник.

– И еще, – добавил пассажир, – он просил оставить какой-нибудь канал связи, чтобы в случае необходимости можно было связаться с вами.

– Я подумаю, – ответил Слепнев, затормозив у светофора.

Оставшуюся часть пути ехали в полном молчании. На окраине города «Хонда» свернула и подъехала к одному из гаражей, находившихся за мостом, как раз в то самое время, когда там затормозила «Волга».

Уже успевший забрать обоих «снайперов», Марек вышел из машины и направился к «Хонде».

– У нас все в порядке, – доложил Марек полковнику.

Тот кивнул и тихо приказал:

– Загони машину в гараж. Пусть они помогут тебе.

– Ясно. – Марек хотел отойти, когда полковник уже чуть громче окликнул его:

– Марек!

– Да, – обернулся тот.

– Я сказал, чтобы они тебе помогли, – выразительно повторил полковник.

– Понял, – кивнул Марек, отходя к машине.

Полковник поморщился, когда из динамиков послышалась популярная музыка, и переключился на другую волну, где передавали последние известия. Марек сел в «Волгу» и въе-

хал в большой просторный гараж, где могли уместиться три машины. Он вышел из машины, приказав «снайперам», сидевшим на заднем сиденье, тоже выйти. Когда ничего не подозревавшие убийцы вылезли из автомобиля, Марек достал пистолет с глушителем и несколько раз выстрелил. «Снайперы» свалились как подкошенные. Он подошел к ним, ударил одного носком ботинка. Убитые упали довольно далеко от багажника, теперь придется их тащить. Такая перспектива не улыбалась Мареку.

Обернувшись, он увидел у входа Слепнева и вздрогнул. Полковник, выходя из автомобиля, предусмотрительно вытащил ключи и забрал мобильный телефон у пассажира. Он видел, как Марек расправился со «снайперами». И сейчас, приблизившись к убитым, опустился на корточки, внимательно осмотрел и, поднявшись, напомнил Мареку:

- Нужно делать контрольные выстрелы.
- Зачем? – удивился Марек. – Они и так готовы.
- Этот еще живой, – Слепнев показал на стрелявшего из гранатомета «снайпера».
- Я дважды выстрелил в каждого, – удивился Марек, глядя на убитого и поднимая пистолет.

– Говорю тебе, нужно делать контрольный выстрел, – недовольно повторил Слепнев.

Марек прицелился, и в это время тяжелораненый открыл глаза и посмотрел на своего палача. И столько было боли и ненависти в его взгляде, что Марек, не раздумывая, выстрелил трижды прямо в лицо своей жертве. После первого выстрела несчастный дернулся, на второй и третий не отреагировал. Марек подошел ко второму «снайперу», лежавшему без движения, и выпустил последний патрон из обоймы ему в голову.

– Все, – сказал он, тяжело дыша.

– Хорошо, – кивнул полковник, – вызови Старика, пусть поможет засунуть их в багажник, и вывези за город. Закопаешь там, где я тебе приказал. Понял?

– Понял.

Полковник вернулся к «Хонде» и отдал мобильный телефон пассажиру.

– Позвоните, – сказал он, – полчаса уже прошло. Может быть, сообщат номер счета.

У пассажира было серое лицо. Он понял, что произошло в гараже, но ни о чем не спросил, взял телефон и быстро набрал нужный номер.

– Вы обещали сообщить номер счета, – голос его дрогнул.

Абонент на другом конце провода диктовал номер счета. Пассажир кивал головой, запоминая цифры, быстро поблагодарил его и, отключив аппарат, обратился к полковнику:

– Записывайте.

– Говорите, – сказал полковник, и тут пассажир понял, что допустил ошибку. Он диктовал номер счета, а Слепнев, сняв очки и прищурившись, запоминал цифры и название банка.

Потом кивнул и, обойдя «Хонду», уже хотел сесть за руль, когда услышал передаваемое по радио правительственное сообщение. Это было невероятно, непостижимо, немислимо. Но это было официальное сообщение пресс-службы правительства о сегодняшнем покушении на министра финансов. В сообщении особо подчеркивалось, что министр жив и здоров.

– Не может быть, – растерянно шептал пассажир «Хонды», – не может быть.

Он смотрел на полковника с ужасом, не понимая, как подобное могло случиться. Он собственными глазами видел взрыв в машине министра, видел яркую вспышку. Но почему тогда убийцы стреляли в пустую машину?

– Этого не может быть, – без конца повторял он как заговоренный.

Полковник, так и не сев в автомобиль, стоял около «Хонды» с внезапно изменившимся лицом. В это мгновение зазвонил мобильный телефон пассажира. Тот вопросительно взглянул на полковника: снимать или не снимать трубку? Слепнев молчал, слушая сообщение. Тогда пассажир на свой страх и риск снял трубку.

– В чем дело? Что у вас случилось? – услышал он знакомый голос. Позвонивший с трудом сдерживал гнев.

– Мы сами ничего не понимаем, – ответил пассажир, – я видел собственными глазами... Все было как нужно... Это фальшивка... Нас хотят ввести в заблуждение. Нужно проверить.

– Мы проверили, – прохрипел позвонивший, – министр у себя в кабинете.

Пассажир растерянно посмотрел на полковника. Он понимал, что значит подобная осечка.

– Как могло такое произойти, Родион Александрович? – спросил позвонивший, и пассажир вздрогнул. Впервые за все утро его назвали по имени, и он понял, что либо его уже списали и позвонивший не боялся засветить его имя-отчество, либо самому звонившему было сейчас не до конспирации и меньше всего он думал о том, что их мобильный телефон прослушивается. Оба варианта не сулили ничего хорошего. Родион Александрович поморщился, он чуть не плакал от подобной неудачи и смотрел на полковника как на товарища по несчастью.

Тот вырвал у него из рук телефон.

– Аллю, кто говорит?

– Не твое дело, – разозлился позвонивший, – ты все провалил.

– Получилась осечка, – спокойно сказал Слепнев, – дурацкий сбой. Такое иногда случается. Но все остается в силе. Я не уеду, пока не доведу дело до конца.

– Ты его уже провалил, – угрожающе хрипел неизвестный, – решил обвести нас вокруг пальца.

– Нет, – твердо заявил полковник, – я головой отвечаю, возможно, он сейчас в реанимации.

– Он у себя в кабинете, – позвонивший сорвался на крик, – его вообще не было в машине. Вы устроили балаган вместо дела.

– Ясно, – полковник сжал зубы так, что на скулах заиграли желваки. Очевидно, его люди невнимательно следили за подъездом и, когда машина отъехала от дома, решили, что пора действовать. Нужно было поставить еще одного человека для контроля непосредственно у подъезда, но не хватило времени.

– Люди, которые вас подвели, уже поплатились за это, – сообщил он.

– Что ты хочешь сказать?

– Подождите минутку, – полковник толкнул пассажира «Хонды», предлагая ему выйти. Тот вылез из автомобиля и зашагал к гаражу, оглядываясь на полковника. В гараже Марек уже загрузил одно тело и собирался поднимать второй труп, когда появился полковник с Родионом Александровичем. Слепнев толкнул его к трупам и сунул ему в руку телефон: – Подтверди.

– Да, – сказал сдавленным шепотом пассажир, глядя на убитых, – они поплатились. Поплатились... – он не мог отвести взгляда от трупов.

– Наши договоренности остаются в силе, – снова взял телефон Слепнев, – мне нужны люди, документы, дальнейшие планы нашего друга. Не беспокойтесь, я никуда не уеду, пока не выполню вашей просьбы. В конце концов, это вопрос моей профессиональной гордости.

– У тебя только три дня, – напомнил позвонивший, – до пятницы. Приезжай срочно на Моховую. Тебе объяснят, куда проехать. Через два часа жду. И учти, у нас времени в обрез.

– Приеду, – ответил Слепнев.

– И не вздумай вилять, – угрожающе прошипел позвонивший. – Мы достали тебя из того места, где ты был, значит, достанем и из любого другого. Это ты понимаешь?

– Не угрожай, – в тон ему ответил Слепнев, – я пуганный. Если можешь помочь, говори. А не можешь – заткнись.

И он с силой швырнул аппарат в стену.

– Все отменяется, Марек, – сказал Слепнев, оборачиваясь к своему помощнику, – остаемся в Москве. Все начинаем по новой.

День первый. Москва 9 часов 42 минуты

Придя к себе в кабинет, премьер с удовлетворением отметил, что в приемной толпились все, кого он хотел бы вызвать. Очевидно, руководитель аппарата успел обзвонить всех сотрудников, распорядившись, чтобы все собрались в приемной. Еще по дороге на работу премьер получил сообщение о покушении на члена его кабинета. Информация была срочной и непроверенной. Никто не мог точно сказать, что именно случилось с министром. Помощник что-то мямлил, а начальник службы безопасности аппарата правительства честно признался, что пока не располагает необходимой информацией. И только через пятнадцать минут, когда премьер уже подъезжал к «Белому дому», ему сообщили, что министр финансов каким-то чудом остался жив, а его водитель и охранник погибли.

И только в кабинете премьер наконец узнал, что министра в служебной машине не было и что стреляли по ней из гранатомета. Получив это известие, премьер попросил ни с кем его не соединять и целых пять минут сидел, уставившись на свой стол. Ко всем проблемам, навалившимся на него в последнее время, прибавилась еще одна, совершенно невероятная: покушение на члена правительства. Представив себе, как эта новость может отразиться на завтрашних переговорах в Лондоне, премьер даже застонал. Не хватало только террористических актов в самом центре Москвы. Господи, теперь все газеты про это напишут.

Премьер схватил телефонную трубку и набрал прямой номер министра внутренних дел.

– Что у вас случилось? – прохрипел он. – Вместо того чтобы за порядком следить на улицах города, вы только и знаете, что деньги у нас клянчить. Скоро бандиты начнут нас отстреливать прямо в кабинетах.

– Разрешите доложить, – торопливо сказал министр внутренних дел, только что появившийся в своем кабинете, – мы сейчас проверяем случившееся. На месте преступления уже работают оперативные группы сотрудников МВД и ФСБ.

– Поздно спохватились, – рявкнул премьер, – ведь министр чудом остался жив. Хорошо, что его не было в машине. А если бы был?

– Мы найдем террористов, – твердо заявил министр, – все сделаем, но найдем.

– Надеюсь, вы понимаете, что это политическая акция. Покушение на жизнь члена кабинета. Такого в Москве еще не было. И когда? – продолжал бушевать премьер. – Накануне переговоров в Лондоне, накануне решающего выступления в Думе по бюджету на будущий год... – Он вдруг осекся, пораженный пришедшей в голову мыслью. Министр внутренних дел терпеливо ждал. Премьер молчал долго, почти минуту. Обмозговывал мысль, которую вдруг отчетливо осознал, и, неожиданно для собеседника, тихо закончил:

– Продолжайте работать. – Он даже не попрощался и положил трубку.

Через три дня министр финансов должен был выступить в Государственной Думе с проектом нового бюджета. Если парламент его примет, длившийся уже несколько месяцев кризис будет разрешен. Но если не примет... Тогда правительству придется уйти в отставку. Отставка не исключена и в том случае, если не удастся стабилизировать экономическое положение в стране. В создавшейся ситуации неожиданная смерть министра финансов повлекла бы за собой неминуемый крах. Дума отказалась бы принять бюджет, рубль рухнул, и правительство было бы отправлено в отставку. Получается, что теракт был направлен против правительства и лично против премьера. Как же он не подумал об этом сразу? Смерть министра финансов, и, как следствие, паника на рынке, девальвация рубля, срыв международных переговоров в Лондоне, отказ депутатов от согласованного бюджета и отставка правительства.

В этот момент раздался телефонный звонок. Премьер покосился на телефон и поднял трубку. Это был директор Федеральной службы безопасности.

– Вы уже знаете, что случилось? – спросил премьер.

– Так точно, Николай Николаевич. Меня информировали сразу после взрыва. Наши сотрудники уже работают вместе с офицерами МВД на месте преступления.

– Помогите им, – сказал премьер, – у вас все?

– Нет, Николай Николаевич, необходимо срочно встретиться.

– Приезжайте ко мне, – проговорил премьер.

– Я звоню из машины. Уже подъезжаю к вашему зданию. Через несколько минут буду.

– Хорошо. – Премьер положил трубку и позвонил своему помощнику, который уже ждал в приемной. – Ни с кем не соединять. Никого не принимать. Сейчас ко мне приедет директор ФСБ.

– Все понял, Николай Николаевич, – сказал помощник. Как и все остальные чиновники, он выглядел перепуганным. Такого еще не бывало. Стреляли банкиров и бандитов, коммерсантов и рэкетиров, но чтобы политиков такого ранга! Покушение на министра было вызывающим и циничным, но никто не мог исключить повторения подобного инцидента.

– И еще, – поморщился премьер, – срочно подготовьте информацию о неудавшемся теракте. Передайте ее на все каналы телевидения и во все информационные агентства. Это должно быть сделано до десяти утра, начала торгов на валютной бирже. Вы меня поняли? Чтобы в момент открытия биржи все уже знали о неудачном покушении. Если нужно, передайте срочное сообщение по телевидению и по радио. Но только до десяти часов.

– Не успеем, Николай Николаевич, – пробормотал помощник. Уже половина десятого.

– А вы постарайтесь, – крикнул премьер, бросив трубку. Сегодня все шло не так, как ему хотелось.

Нужно позвонить президенту – подумал премьер, взглянув на часы. Доложить о случившемся. Хотя он, наверно, еще спит. Премьер позвонил министру финансов. Ему доложили, что Полетаев уже у себя в кабинете. Трубку взял сам министр.

– Добрый день, Артем Сергеевич, – премьер говорил как только мог мягко, но был взволнован не меньше самого министра. – Хотя для вас он, насколько я понимаю, вовсе не добрый, – добавил премьер. – Что произошло с вашей машиной?

– Не знаю, Николай Николаевич, ничего не могу понять. Кто-то обстрелял мою машину. Сотрудники ФСБ считают, что из гранатомета. Мой водитель и охранник погибли.

– Вы не ранены?

– Меня не было в автомобиле. Утром позвонила супруга с дачи и сообщила, что внука нужно отвезти в больницу. Так что все произошло, пока я ездил в поликлинику. Бандиты, очевидно, не знали, что меня нет в машине.

– Кто это мог быть? – спросил премьер, как будто Полетаев мог ответить на этот вопрос.

– Не знаю, – сказал Артем Сергеевич, – врагов у меня как будто нет. Понятия не имею.

– Так, – проговорил премьер, сообразив, что задал дурацкий вопрос, – ясно. Заезжайте через полчаса ко мне.

Только он положил трубку, как секретарша доложила, что в приемной ждет директор ФСБ.

– Пусть войдет. – Премьер поднялся со своего места.

Директор ФСБ в это мрачное утро выглядел особенно замкнуто и настороженно. Войдя в кабинет, он почему-то огляделся и, подойдя к премьеру, крепко пожал ему руку.

– Извините, Николай Николаевич, – вдруг сказал он, – может, пройдем в вашу комнату отдыха?

– Зачем? – изумился премьер.

– Мне не хотелось бы здесь вести разговор, – уклонился от прямого ответа директор ФСБ.

Премьер нахмурился. Значит, разговоры о том, что его кабинет прослушивается, не лишены оснований. И устроить такую подлянку могла либо ФСБ, либо Администрация президента, вернее, служба его охраны. Главу государства традиционно волновало все, что касалось второго человека в стране, фактически заместителя главы государства. В стране, где второй всегда ненавидел первого, где Хрущев выступил с докладом против прежнего вождя, Брежнев убрал Хрущева, Андропов сменил брежневских любимцев, Черненко потеснил фаворитов Андропова, а Горбачев расправился со старыми кадрами, не привыкли доверять вторым лицам. Кроме того, сказывался и печальный опыт. Против первого президента Советского Союза выступили вице-президент и председатель парламента, отправленные позже в тюрьму. Против первого президента России тоже выступили вице-президент и председатель парламента, после чего также очутились в тюрьме. Должность вице-президента тогда упразднили, но недоверие ко вторым лицам сохранилось.

Премьер не стал ничего говорить директору ФСБ, поднялся и прошел в комнату отдыха. Директор ФСБ последовал за ним. Они сели в кресла, почти рядом друг с другом.

– Николай Николаевич, вам известно, что случилось с автомобилем вашего министра? – спросил гость.

– Теперь уже известно, – мрачно сказал премьер, – я думал, это вы мне расскажете, как такое могло случиться?

– Мы сейчас отработываем все возможные версии. Пока ясно одно: ваш министр уцелел чудом. Только потому, что в тот момент его не было в машине.

– Чудом, – прохрипел премьер, – а где были наши службы?

– Мы не думали, что кто-то решится на подобное, хотя и не исключали такого развития событий.

– Вы знали, что Полетаева хотят убрать? – возмутился премьер.

– Предполагали, что такое может случиться.

– Что? – Премьеру показалось, что он ослышался. Валившиеся на него в это утро новости, одна мрачнее другой, окончательно испортили ему настроение.

– Несколько дней назад мы передали президенту нашу информацию, – сообщил директор ФСБ, – отпечатанную в одном экземпляре и предназначенную ему лично.

– Что вы имеете в виду?

– Наши источники сообщили, что в ближайшие дни может быть совершено покушение на одно из высших должностных лиц в стране.

Директор ФСБ умолк и почему-то оглянулся на дверь. Неужели даже он опасается подслушивания – подумал премьер с раздражением, но не стал распространяться на эту тему, только спросил:

– Значит, кого-то из нас хотят убить? Кто следующий?

– Могу лишь сказать, что угроза террористического акта значительно возросла.

– Ваше дело ловить преступников и обеспечивать безопасность государства, – строго напомнил премьер. – Итак, почему вы думаете, что именно сейчас нас хотят убрать?

– Вы лучше моего знаете положение в стране, – сказал директор ФСБ, – оснований для тревоги больше чем достаточно. Несколько месяцев назад при загадочных обстоятельствах из «Матросской Тишины» исчез полковник Слепнев, бывший сотрудник КГБ и ФСБ. Вместе с ним исчез и его охранник, которого наверняка подкупили за огромные деньги. Слепнев был не просто сотрудником службы безопасности. Он один из лучших в мире специалистов по нейтрализации. Попросту говоря, «ликвидатор», прошедший специальную выучку сотрудник госбезопасности. Почти нет сомнений, что именно ему будет поручена организация покушения на одного из членов правительства. Может быть, даже на вас. Кто-то из наших, правда, вычислил, и вполне справедливо, что скорее всего жертвой может стать министр финансов. Он чуть было и не стал.

Премьер почувствовал себя так, словно ему в затылок уже целился невидимый киллер.

– Что же теперь делать? – спросил он. – Отправиться в ваш подвал и запереться там вместе со всем правительством? Может, еще и президента туда пригласить? А страну оставить на произвол судьбы.

– Нет, – директор ФСБ улыбнулся, впервые за все время разговора, – не нужно запирается в подвале. Но максимальная осторожность не помешает. Я поговорю с начальником вашей личной охраны. Он человек опытный и надежный. А Полетаева нужно по возможности изолировать на несколько дней. Вряд ли его вторично спасет чудо. Мы усилим его охрану. А руководить он может и из своего кабинета.

– Может, и мне запереться в кабинете? На всякий случай? – зло спросил премьер. – Или у вас есть другие предложения?

– Возможно, все это лишь версии, – сказал директор ФСБ, – но я обязан был вам о них сообщить. Не исключено, что Слепневу помогли бежать. Может быть, тут замешан кто-то из нашей службы. Ведь он исчез за день до его перевода в другую тюрьму. Именно за день. Выходит, кто-то его информировал. И этот же «кто-то», возможно, подкупил охранника. А если дело обстоит так, предотвратить покушение практически невозможно. Самое страшное, когда вместе с убийцей действует кто-то из своих.

– Но Полетаева нельзя спрятать, – мрачно ответил премьер, – сегодня у него встреча с западными бизнесменами. Завтра переговоры в Лондоне. Послезавтра выступление на встрече с представителями МВФ. Если он не появится на переговорах, мы понесем весьма ощутимый ущерб. Он единственный способен вести эти сложные переговоры. Без него с нами и разговаривать не станут. Мы и так сменили за этот год троих министров финансов. Я не могу держать Полетаева в стеклянной банке.

– Понимаю, – кивнул директор ФСБ, – поэтому и изложил вам обстоятельства побега Слепнева. Конечно, мы усилим охрану Артема Сергеевича, сделаем все, что от нас зависит. Но и вы постарайтесь ситуацию держать под контролем.

Он помолчал какое-то время и продолжил:

– Не хотел говорить вам, Николай Николаевич, но Слепнев не просто убийца. Он в своем роде гений. И неудачное покушение воспримет как личный провал. И сделает все, абсолютно все, чтобы исправить ошибку. Он не остановится.

– Значит, так, – премьер резко поднялся. Вскочил и директор ФСБ, – ваша задача нас охранять. И задержать сбежавшего преступника. Остановится он или нет – это проблема ФСБ и службы безопасности. Прятаться мы не собираемся. Найдите кого-нибудь, кто остановит вашего гениального «специалиста». Думаю, во вверенном вам ведомстве есть сотрудники, специально подготовленные для такого рода акции.

– По идее должны быть, – сказал директор ФСБ. – Раньше у нас все было. Но за годы после развала Советского Союза никого не осталось – ни специалистов, ни нормальных сотрудников. Только директоров каждый год меняют.

– Обратитесь к кому-нибудь из пенсионеров, – пожал плечами премьер, – для этого вас и поставили директором ФСБ.

– Конечно, – кивнул директор. Он уже пожалел о том, что рассказал премьеру о бежавшем Слепневе. Но не молчать же. Тем более после покушения на министра финансов.

После ухода директора ФСБ премьер долго сидел в одиночестве, никого не вызывал, ни с кем не разговаривал, даже по телефону, будто этим утром ничего особенного не случилось. Позвонил помощник, доложил, что все материалы уже переданы в информационные агентства.

– Хорошо, – равнодушно бросил премьер и положил трубку. – Интересно, кому могло прийти в голову устранить министра финансов и добиться смены правительства? – Эта мысль не давала премьеру покоя. Вообще-то он догадывался, кому это на руку. Таких было несколько.

Но неужели они связаны с убийцами? Он написал на листе бумаги несколько фамилий. Кто же из них желает именно его отставки? Было над чем задуматься.

День первый. Москва 10 часов 15 минут

Все было как всегда. Сначала в кабинете появились сотрудники МВД, затем офицеры ФСБ и, наконец, представители городской прокуратуры, – словом, началась обычная работа со свидетелем, чудом оставшимся в живых. Никто не сомневался в том, что покушение было совершено именно на министра финансов. В десять часов утра все информационные агентства России передали эту сенсационную новость. Некоторые телевизионные программы сообщили, что министр погиб в результате террористического акта.

Секретарю приходилось отвечать на многочисленные телефонные звонки, убеждая звонивших, что министр цел и невредим. Один из каналов продемонстрировал остов сгоревшего автомобиля министра финансов, после чего никто уже не сомневался в гибели самого Полетаева. Начались звонки от знакомых и друзей. Полетаев с ужасом подумал, что о случившемся могут узнать члены его семьи, и бросился звонить супруге по мобильному телефону.

– Люда, здравствуй, как у вас дела? – взволнованно спросил он, едва жена подняла трубку.

– Я же тебе сказала, что ребенок отравился, – возмутилась жена, – а ты все шутил, говоря про какую-то там банку.

– Он не съел целую банку, – мягко возразил муж, но Людмила слушать ничего не хотела.

– Мальчик чуть не умер, а ты тут рассуждаешь.

– Я тоже чуть не умер... – стал было объяснять Артем Сергеевич.

Людмила его перебила:

– Я не отхожу от Димы, перезвони через полтора часа. Может, он наконец уснет. Надо срочно положить его в больницу. У него наверняка общая интоксикация.

– Хорошо, хорошо. – Неудобно было пререкаться с женой при сотрудниках службы безопасности, которые терпеливо ждали, когда он окончит разговор, и министр положил трубку. Тут же зазвонил другой аппарат, Полетаев услышал голос премьера.

Тот снова пытался выяснить, что именно произошло с машиной Полетаева, но, как и в первый раз, вразумительного ответа не получил. Министр решительно ничего не знал и мог лишь недоумевать по поводу случившегося.

– Я просил вас заехать, Артем Сергеевич, надо переговорить с глазу на глаз. Вся эта история мне очень не нравится.

– Мне тоже, – сказал Полетаев. – Сейчас тут сотрудники ФСБ. Как только освобожусь, сразу приеду. Не знаю, сколько понадобится времени на разговор с ними.

– Дело не терпит отлагательств. – В голосе премьера звучала тревога. – Я получил неприятную информацию. От самого директора ФСБ. Пораскните мозгами, Артем Сергеевич. Может, сообразите, кто за всем этим стоит. Ситуация, сами понимаете, не из простых. Шоковая, можно сказать. Так что думайте, думайте... И непременно приезжайте. Буду ждать. – Премьер положил трубку, оставив Полетаева в полной растерянности.

– Премьер-министр звонил, – почему-то очень тихо произнес Полетаев.

– Когда вы уехали из дома? – спросил старший офицер ФСБ, пропустив его слова мимо ушей.

– Я уже говорил вам, когда и куда поехал, – устало ответил министр. – Или вы подозреваете, что я сам организовал нападение на свою машину?

– Никто этого не думает, – возразил полковник. В этот момент дверь распахнулась и в кабинет влетел Сергей Шумский, вице-премьер правительства и куратор министерства финансов.

– Артем, живой? – бросился он к другу.

При его появлении офицеры ФСБ и сотрудники прокуратуры повскакивали со своих мест. Шумский был одним из тех перспективных политиков, которых считали готовыми кандидатами не только в премьеры, но и в президенты. Именно он привел с собой целую команду молодых перспективных сотрудников, и в их числе Артема Полетаева. Они были чем-то похожи с министром. Только у Полетаева черты лица были мягкие, округлые, а у Шумского – резкие, грубоватые. Особенно привлекали внимание его глаза – умные, живые, блестящие. Энергичный, инициативный, от его громкого голоса стены в «Белом доме» на набережной буквально дрожали. Едва узнав о покушении на друга, он примчался в министерство, чтобы во всем разобраться.

– Как могло такое случиться? – кричал он, обнимая и тормоша друга. – Живой, живой! – обратился он к присутствующим.

– Живой, – подтвердил Полетаев печально, – меня Дима спас.

– Как это спас?

– Он заболел, отравился грибами, и я с самого утра поехал за ним, чтобы отвезти в поликлинику. В общем, служебная машина уехала без меня. Называется, повезло, хотя неизвестно, что лучше.

– В каком смысле? – нахмурился Шумский.

– Двое ребят из-за меня погибли, – объяснил министр, – получается, я их подставил.

– Нечего глупости говорить, – сказал вице-премьер, – ты у нас один такой. И выбрось из головы подобные мысли. Скажи спасибо, что живой. Как ребенок? С ним все в порядке?

– Слава богу, ничего серьезного.

– Ну и хорошо, – засмеялся Шумский, – главное, чтобы Дима был в порядке. А ты можешь устроить банкет. Теперь до ста лет доживешь. Знаешь поговорку – «снаряд дважды в одно место не попадает». Теперь ты у нас «заговоренный».

Он обернулся, посмотрев на собравшихся.

– Налетели, – нахмурился Шумский, – сразу сюда прибежали. Вместо того чтобы убийцу искать, решили допрос устроить министру? А разрешение получили? Я сейчас позвоню директору ФСБ и Генеральному прокурору. Делом нужно заниматься, а не в кабинетах сидеть.

– Мы хотели кое-что уточнить, – стал оправдываться старший из сотрудников.

– Потом будете уточнять, – зло бросил Шумский, – лучше нужно охранять членов правительства. А сейчас нам надо срочно к премьеру.

Работники прокуратуры и фээсбэшники заторопились к выходу.

– Когда можно будет к вам заехать, Артем Сергеевич? – спросил полковник.

– Не знаю, – ответил Полетаев, – пожалуй, лучше после перерыва. Не уверен, что смогу ответить на все ваши вопросы. Ведь меня не было на месте преступления. И так голова кругом...

– Понимаю, – кивнул полковник.

– Черт возьми, – в сердцах бросил Шумский, – что бы это могло значить? Неужели кто-то хочет всех нас убрать? И тебя, и остальных. Ты только представь, как нас ненавидят, раз решились на такое?

– Двое ребят погибли, – напомнил Полетаев.

– Мы их достанем, – сжимая кулаки, Шумский прошел к окну, достал сигареты, закурил. – Поедем к премьеру, он ждет нас. Тебе завтра в Лондон лететь. Нужно срочно передать сообщение по всем информационным каналам, что ты жив. Иначе сам понимаешь, как полетит рубль.

– Я уже распорядился, чтобы позвонили пресс-секретарю правительства, – сказал Полетаев.

– Этого недостаточно, – сказал Шумский, – ты сам должен сделать заявление. Позвони заместителям, пусть срочно соберут всех руководителей министерства. В котором часу у тебя встреча с банкирами?

– В шестнадцать. Они должны были приехать сюда прямо от тебя, – ответил Полетаев.

– Делай вид, что ничего не произошло, – строго напомнил Шумский, – главное, чтобы они нам поверили. Если увидят, что ты напуган, что придаешь слишком большое значение этому дурацкому нападению, нам крышка. Бюджет не вытянем, сам понимаешь.

– Не волнуйся, все сделаю как нужно.

Зазвонил мобильный телефон. Полетаев машинально посмотрел на дисплей и увидел номер мобильного телефона Людмилы. Может, с Димой что-нибудь – встревожился Артем Сергеевич и посмотрел на Шумского, указав на аппарат.

– Люда, – сказал он, – она еще в больнице, с Димой.

– Узнай, что случилось, – сказал Шумский.

Полетаев включил аппарат. Ответил.

– Артем, что случилось? – раздался взволнованный голос жены. – Как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо, все в порядке.

– Мне сообщили, что ты убит, – продолжала жена, – представляешь, как я переволновалась? Здесь одна санитарка уверяла другую, что слышала сообщение о гибели министра финансов. Они не знали, что я их слышу. У меня стало плохо с сердцем.

«Представляю, что она там устроила», – весело подумал Полетаев.

– Я им говорю, не распускайте всякие нелепые слухи. Ты только подумай, как все распоясались. Обязательно пожалуюсь главному врачу. Ну что за безобразие! Просто позор! Почему ты все от меня скрываешь? На тебя напали? Хотели убить?

– Никто на меня не нападал, – ответил Полетаев, – я пытался тебе объяснить...

– Пытался? Когда? – еще больше занервничала жена. – Ты стал таким скрытным. Ничего не рассказываешь с тех пор, как стал министром. Постоянно где-то пропадаешь, вечно в бегах. Не знаю, что и делать. Я и подумать не могла, что на тебя напали! Их уже схватили? Кто это был?

– Пока ничего не известно, – ответил Полетаев, проведя ребром ладони по горлу: дескать, жена достала. Шумский сочувственно кивнул. Ему хорошо был известен характер Людмилы.

– Извини, Люда, – осторожно сказал Полетаев, – я сейчас очень занят. Поговорим попозже.

– Вот так всегда. Как только начинается серьезный разговор... – дальше Артем Сергеевич уже не слышал, отключил телефон. Потом шумно выдохнул и взглянул на Шумского.

– Может, отправить куда-нибудь семью? – сказал неожиданно для самого себя.

День первый. Москва 11 часов 18 минут

В приемной премьера толпился народ, когда там появились Шумский и Полетаев. Предупрежденный помощник оттеснил остальных, пропуская вице-преьера и министра финансов к премьеру. И не потому, что премьер вызвал их по неотложному делу, – чиновники такого ранга всегда могли рассчитывать на внеочередной прием.

Премьер, вопреки обыкновению, поднялся из-за стола и пошел навстречу чудом уцелевшему Полетаеву, чтобы позвать ему руку, после чего все трое расположились в креслах.

– Как все это произошло? – первым делом спросил премьер, как и тогда, в телефонных разговорах.

– Чудом, – выдохнул Полетаев, – трудно даже предположить что-либо подобное. Утром позвонила с дачи супруга, сообщила, что внук отравился грибами. Сосед отвез их в местную больницу. Я решил не вызывать служебной машины, чтобы зря не дергать людей, и поехал в больницу на своей. Хорошо, что успел. Оказалось, что мальчику необходимо промывание желудка. Тогда я повез их в нашу поликлинику и позвонил в свою машину, объяснив, где нахожусь. Они в это время стояли у дома. Видимо, за ними следили, и убийцы, решив, что я сел в автомобиль, обстреляли его сразу, как только он отъехал от дома. Сотрудники ФСБ сообщили мне, что стреляли из гранатомета. Там все разорвано, все сторело...

– Беда, – нахмурился премьер, – выходит, своему внуку вы обязаны жизнью.

– Выходит, так, – невесело подтвердил Полетаев.

– Мы приехали на моей машине, – вставил Шумский, – я уже распорядился, чтобы Артему Сергеевичу выделили новый автомобиль из нашего резерва.

– Конечно, конечно, – поддакнул премьер, – кроме того, необходимо приставить специальную охрану. И к членам его семьи тоже. Я уже переговорил с директором ФСБ и начальником службы охраны. Трое сотрудников сейчас уже в поликлинике, где находятся ваши близкие, – сообщил он Артему Сергеевичу. – Еще трое будут охранять непосредственно вас. Директор ФСБ говорит, что им приблизительно известно, кто мог организовать на вас покушение.

– И кто же это? – поинтересовался Полетаев.

– Пока они держат это в секрете, – уклонился от ответа премьер, – но он пообещал, что убийцы не уйдут от наказания.

– Мне от этого не легче, – мрачно произнес министр финансов, – хорошо бы еще узнать, почему в меня стреляли.

– И так ясно, – заметил Шумский, – хотят свалить правительство. Читал, какие гадости пишут о нашем премьере и о нас с тобой?

– Вот именно, – подхватил премьер с горечью, – работаешь как проклятый, и тебя же поливают грязью. Черт с ними, – махнул он рукой, – главное, что вы остались живы.

Он покачал головой, потом осторожно спросил:

– Вы готовы выступить в пятницу в Государственной Думе с проектом бюджета на следующий год?

– Почти, – кивнул Полетаев, – но многое зависит от моих встреч с западными банкирами, а также от позиции их представителей в Лондоне.

– Да, – кивнул премьер, – лично я запер бы вас на три дня здесь, в «Белом доме», чтобы вы могли спокойно подготовиться к выступлению в пятницу, но этого нельзя делать. Мы и так с трудом успели передать наше сообщение до десяти утра, чтобы биржа бурно не отреагировала на случившееся, как это обычно бывает. Хотя мне сообщили, что некоторые уже нервничают.

Звонил глава Центробанка, просил подтвердить, что вы действительно живы. Ваш номер в кабинете не отвечал. Видимо, вы уже выехали ко мне.

– Понимаю, – сказал Полетаев, – я готов работать, Николай Николаевич, эта история может выбить из колеи моих близких, но не меня. Завтра утром я вылетаю в Лондон.

– Как вы летите?

– Рейсовым самолетом. Уже есть билет, – сообщил Полетаев, – со мной полетят двое наших экспертов, переводчик и помощник. Всего пять человек.

– Я доложу президенту, – сказал премьер, – может быть, вам лучше воспользоваться моим самолетом. Не стоит рисковать. От итога завтрашних переговоров в Лондоне зависит многое. Представляю, как все нервничают, узнав о покушении. Мой помощник говорит, что об этом уже передали все крупнейшие информационные агентства мира.

– Как бы не снизился наш кредитный рейтинг, – мрачно вставил Шумский.

– Вот именно, – поддакнул премьер, – поэтому совершенно необходимо, чтобы вы появились сегодня на телеэкранах. Когда у вас встреча с банкирами?

– В шестнадцать ноль-ноль.

– Пригласите телевизионщиков. Пусть вас увидят живым и здоровым. Нужно успокоить людей.

– Я распоряжусь, – кивнул Шумский.

– Сегодня в шесть у нас встреча с американским послом, – напомнил премьер, – я бы хотел, Артем Сергеевич, чтобы вы приехали пораньше. Возможно, придется обсудить некоторые детали ваших переговоров с банкирами.

– Приеду сразу после встречи, – пообещал Полетаев.

– Как вы полагаете, кто может быть заинтересован в вашем устранении? – вдруг спросил премьер.

– Не знаю. Не думал об этом. По-моему, это какая-то дикость, средневековье. Террористический акт в центре Москвы. Какие-то психи обстреливают из гранатомета машину. Может, чеченцы?

– Зачем чеченцам убивать именно вас? – резонно возразил премьер. – Нет, все намного сложнее. Кому-то очень хочется убрать нас всех, скопом. Но в первую очередь вас.

– Вы хоть представляете себе, кто за этим стоит? – спросил Шумский.

– Пока ничего определенного, – снова уклонился от ответа премьер, – но дело очень серьезное. Если убийцы один раз решились на такой отчаянный шаг, могут попытаться снова. Нужна максимальная осторожность. Но не во вред работе. Ближайшие три дня будут самыми важными. Особенно для вас, Артем Сергеевич, – подчеркнул премьер.

– Я все понимаю, – вздохнул Полетаев.

– Хорошо, – премьер поднялся, за ним вскочили Полетаев и Шумский. – У нас мало времени, – напомнил хозяин кабинета, – в пятницу обсуждение бюджета. От его принятия зависит судьба правительства. Примут – останемся. Не примут – уйдем в отставку. И если не вы, Артем Сергеевич, будете представлять в Думе бюджет, он наверняка не пройдет.

– Все согласовано, – заметил Полетаев.

– Не важно, верят только вам. – Премьер вздохнул. – В общем, постарайтесь продержаться три дня. До пятницы. Самое главное сейчас утвердить бюджет.

– Продержусь, – через силу улыбнулся министр. Премьер посмотрел ему в глаза, пожал руку, кивнул Шумскому и вернулся к столу. Как только Шумский и Полетаев вышли, премьер поднял трубку и попросил соединить его с начальником службы охраны.

– Слушай меня внимательно, – раздраженно сказал премьер, – мало троих, поставь десятых, но Полетаева ты мне сохрани. Чтобы до пятницы с его головы ни один волос не упал. Понял?

День первый. Москва 12 часов 25 минут

Слепнев с Родионом Александровичем въехали во двор. Оставили машину и направились к дому. Родион Александрович набрал код, и входная дверь открылась. Они поднялись на лифте на девятый этаж и позвонили в квартиру справа от лифта. Полковник оглянулся и заметил, что глазок на двери слева потемнел. Очевидно, там рассматривали незваных гостей. Открыли им довольно быстро, и они прошли внутрь. Их встретил мужчина лет пятидесяти, внимательно оглядел Слепнева и, усмехнувшись, бросил:

– Вот ты какой!

– Не нравлюсь? – с вызовом спросил Слепнев.

– А ты не баба, чтобы нравиться, – зло ответил хозяин квартиры, – и не хами. Насмотрелся я на таких, как ты. Форсу много, а дела мало.

– Я свое дело сделал, – огрызнулся полковник, – кто виноват, что в машине не оказалось министра. И такое бывает.

– Бывает, – передразнил его хозяин квартиры. Он был среднего роста, коренастый, плотный, с брюшком. Мясистые щеки, крупный нос, седая щеточка усов и глаза навывкате делали его лицо запоминающимся, – бывает, и ружье само стреляет. Только такой профессионал, как ты, должен был подстраховаться, все хорошенько проверить, прежде чем стрелять, а не надеяться на «бывает» и «не бывает».

Слепнев молчал. Что толку спорить. По большому счету старик прав. Но полковник решил сравнить счет, прибегнув к запрещенному приему.

– Ладно, генерал, – грубовато бросил он, – все и так ясно, не нужно сыпать соль на рану. Хозяин метнул в него бешеный взгляд и повернулся к Родиону Александровичу:

– Твоя работа?

– Что вы? – ужаснулся Родион Александрович. – Разве я могу?

– Я сразу узнал вас, генерал Скороденко, – сказал Слепнев, – мы с вами уже встречались, несколько лет назад.

– Узнал, – сквозь зубы процедил генерал.

– Конечно, узнал. Мы встречались на совещании в МВД. И я запомнил ваше лицо. Но вы меня, я вижу, забыли.

– Не забыл, – ответил генерал, – иначе ты еще сто лет сидел бы в девятом корпусе «Матросской Тишины». Или парился на нарах. Это по моей инициативе тебя оттуда вытащили.

– Так я и думал, – сказал Слепнев, – судя по тому, как все было организовано. Сразу догадался, что без профессионала тут не обошлось. Правда, мне говорили, что Скороденко давно на пенсии.

– Отправили, – подтвердил генерал, – а я, видишь, никак не угомонюсь.

– Вижу, – ответил полковник. – Этот тоже из ваших? – Он кивнул на подельника.

– Почти. Только он у нас штабист, все больше штаны протирал, – недовольно заметил генерал, – проходи, Слепнев, разговор у нас с тобой долгий.

Они прошли в небольшую столовую, сели за стол. Слепнев – спиной к двери. Генерал – спиной к серванту.

– Извини, что угостить нечем, – сказал генерал, – сам виноват. Сидел бы сейчас в поезде и жевал свои бутерброды.

– Ладно, хватит, – примирительно произнес Слепнев, – много болтаем. Я уже сказал, что ошибся. Любой может ошибиться.

– Ошибся, – прохрипел генерал, – значит, второй раз сделаешь все как надо?

– Постараюсь, – выдавил Слепнев, – давай без лишних слов, – он тоже перешел на ты. Раз генерал может «тыкать», то и ему не заказано. Тем более что оба не при исполнении.

– Хамишь, – генерал усмехнулся и подмигнул, – героя из себя строишь. Будто не понимаешь, что натворил. Надо было тебя разрубить, а кусочки по Москве разбросать.

– Не для того ты меня из тюрьмы вызволил. Я тебе еще пригожусь. За меня, знаешь, какие бабки отвалили! Не сосчитать, генерал. Так что порубить меня на кусочки – это, я тебе скажу, проблема. Как бы тебе потом за это голову не оторвали! И еще что-нибудь в придачу. Ценность я теперь большая. Понимаешь? Ценность.

– Угрожаешь? – генерал улыбнулся, показав крупные зубы.

– Нет. Просто знаю. И ты меня не пугай. Давай по делу. Зачем позвал? Чтобы познакомиться? Так мы уже знакомы. Мне нужны конкретные данные. Где он будет эти два-три дня, с кем, когда. Если есть, выкладывай. А нет, до свидания. Я сам все устрою.

– Ты уже устроил. – Генерал поднялся, прошел в соседнюю комнату и скоро появился с папкой в руках.

– Вот тебе досье. Здесь все написано. И про его семью, и про друзей. Где его дача, где живет его личный шофер. Все данные. А вот это его план на ближайшие три дня. Сегодня в шестнадцать встреча с банкирами. В восемнадцать он должен куда-то уехать. Утром улетает в Лондон. Вечером возвращается. В четверг снова встречи с разными людьми, в пятницу, в десять утра, его выступление в Думе. Только если он выступит, тебе лучше вернуться обратно в девятый корпус.

– В пятницу, – повторил Слепнев, – так бы сразу и сказал.

– Ты меня не понял. У тебя два с половиной дня, умник. Два с половиной. И если в пятницу он выйдет на трибуну, считай, что ты труп. И не сбежишь никуда. Граница для тебя будет закрыта. И твои денежки в банке заблокированы.

– А если он не выйдет на трибуну, денежки разблокируют? – прищурился Слепнев.

– Это как ты себя будешь вести. Думаю, разблокируют.

– У него теперь, знаешь, какая будет охрана, – раздумчиво проговорил полковник, – нужно все просчитать. Ведь им уже известно, кого именно мы хотим ликвидировать.

– Вот и просчитай, – сказал Скороденко, – только быстро, а то без тебя обойдусь. И тогда денег тебе не видать как своих ушей без зеркала. А без денег ты никому не нужен. Ни здесь, ни там.

– Нужно все тщательно просчитать, – повторил Слепнев, пропустив мимо ушей колкие реплики генерала.

– Считай, считай, – проговорил генерал. – Помни, время у тебя только до пятницы.

– Мне нужен паспорт и документы, чтобы полететь за ним в Лондон, – сказал Слепнев, – там он не ждет нападения, и убрать его будет проще.

– Паспорт, – ухмыльнулся генерал, – у тебя и свой имеется. Небось все давно рассчитал. Однако мы тоже не дураки. Нечего лететь в Лондон. Тебя только выпусти, а потом ищи-свищи. Твое дело здесь все провернуть. А в Лондон другие поедут. Ты там ни к чему.

– В Лондоне можно все сделать быстро. Там не будет такой охраны, как в Москве.

– Нечего мне лапшу на уши вешать, – сказал генерал, – сбежишь в Англию, где там тебя искать?

– Тогда зачем звал меня? – разозлился Слепнев, закрывая папку.

– Ты еще не понял? – ухмыльнулся генерал. – Думаешь, я тебе позволю нас за нос водить? Явился, нахамил, а теперь хочешь слинять? Нет, полковник, не выйдет. Ты упустил свой шанс. Знаешь, зачем я тебе показал досье Полетаева? Хотел проверить, как ты отреагируешь. А ты на наживку поймался, дурак. В нашем деле не бывает осечек, Слепнев. Мы вытащили тебя из тюрьмы, чтобы ты дело сделал, а ты нам его загубил. Извини, но мы больше не верим тебе.

Он не договорил, Слепнев почувствовал у себя за спиной движение, чуть повернул голову и заметил страх в глазах Родиона Александровича. А в следующую секунду увидел в стеклянных дверцах серванта отражение двоих неизвестных. Не раздумывая он выхватил пистолет и выстрелил раз, другой. Те двое, не успев опомниться, с шумом свалились на пол, а полковник уже приставил пистолет к мясистой щеке Скороденко.

– Сидеть, – приказал он, – не двигаться!

Генерал поднял на него свои выпуклые глаза. Он не испугался. Скорее удивился. Потом прохрипел:

– Убери!

– Сидеть, – повторил Слепнев, вдавливая дуло в висок генерала. – Говори, сколько я за него получу. Быстро. Только без глупостей, генерал. Назови сумму.

– Сто тысяч, – прохрипел генерал.

– Это я уже слышал. И сделал вид, что поверил. Назови сумму, у меня нет времени.

– Пятьсот, – сказал генерал, – пятьсот тысяч долларов.

Слепнев убрал пистолет.

– Сука, – выругался он, – думаешь, я не понял? Ты хотел сделать все сам, а деньги потом списать на меня. Думал, у тебя все получится?

– Уже получилось, – ухмыльнулся Скороденко, – тебя ищут, полковник. Тебе отсюда не уйти. Ты уже мертвец. В ФСБ знают, что именно ты организовал нападение на автомобиль министра. Знают и ищут тебя по всему городу. У тебя нет шансов, Слепнев. И напрасно ты моих ребят угрохал. Давай сюда оружие.

Полковник стоял, прислонившись к стене.

– Может, люди твои специально вытащили из машины министра? – спросил он. – Хотя вряд ли. Ты все рассчитал правильно. Как только узнал о неудавшемся покушении, так сразу и начал считать. А я все гадал, зачем тебе несколько часов. И почему ты хочешь встретиться лично со мной. Значит, ты все рассчитал, генерал. И решил, что я никуда не денусь.

– Ты и так никуда не денешься, – заявил Скороденко, – но если отдашь пистолет, может, я и оставлю тебя в живых. Впрочем, можешь не отдавать. Можешь даже уйти. Мы не будем искать. Тебя все равно пристрелят как бешеную собаку. Сбежавший уголовник, да еще террорист. Никто не даст за твою жизнь и копейки.

– Ничего, – вдруг улыбнулся Слепнев, – значит, разница возросла?

– Какая разница? – не понял генерал.

– Пятьсот тысяч долларов, – напомнил полковник, – и одна копейка. Итак, ты заплатишь мне пятьсот тысяч баксов, это меня вполне устраивает, и считай, что договорились.

– Ты сумасшедший, – занервничал генерал, – что ты сделаешь в одиночку? Черт с тобой, сдай оружие и оставайся. Я заплачу тебе пять процентов. Будешь консультантом. Вместе с нашими людьми разработаешь новый план нападения.

– А когда ты его осуществишь, я вместо пяти процентов получу пулю в лоб? – сказал Слепнев. – Нет, предпочитаю полмиллиона «зеленых».

– Уходи, – закричал генерал, – убирайся! Уходи и сдохни как герой.

– Зачем? Лучше тебя пощипать. Я намерен получить свои деньги. Ты сегодня же переведешь их на мой счет. Я скажу, в какой банк.

– Сначала сделай дело, – глаза Скороденко налились кровью. Он явно психовал. Ситуация вышла из-под контроля.

– Сделаю, – кивнул Слепнев, – сообщи в банк, что деньги будут переведены в пятницу, во второй половине дня. И учти, генерал, не люблю, когда меня обманывают.

– Сопляк, – хрипел генерал, – ты еще будешь у меня в ногах валяться.

– В пятницу, – напомнил Слепнев, взмахнув пистолетом, – а это досье я забираю с собой. Не волнуйся, я его никому не отдам. Насчет банка позвоню часа через два. Сообщу, куда деньги переводить.

– Надеешься стать героем, – прошипел генерал, – ты уже труп. Что ты можешь сделать один?

– Переведи деньги, генерал, – напомнил Слепнев, – и не нужно так психовать. У тебя вот глаза кровью налились, того и гляди кондрашка хватит. Не бойся, я не сбегу. Мне без денег хана, это ты правильно усек. И не вздумай натравить на меня своих архаров. Все равно я их вычислю.

Он сделал несколько шагов к двери, не опуская пистолета, и повернулся к Родиону Александровичу:

– Открой дверь, чтобы тебя увидели в квартире напротив, там наверняка кто-то из ваших подручных. Неохота устраивать перестрелку на лестничной клетке. Пусть видят, что у нас тут все тихо и мирно. А ты жди моего звонка, – бросил он генералу, выходя в коридор.

Слепнев прошел к лестнице и кивнул на прощание Родиону Александровичу:

– Скажи ему, чтобы никого, кроме тебя, на связь не присылал. Не то замочу. – Полковник еще не успел спуститься вниз, когда Скороденко подошел к телефону и набрал нужный номер.

– Он согласен исправить ошибку, – сказал генерал и положил трубку. В комнату вошел Родион Александрович, с ужасом глядя на трупы. Но генерала они, похоже, не интересовали.

– Видел, каков орел, – раздраженно сказал он, – я знал, кто именно нам нужен.

– Вы хотите отдать ему все деньги?

– А кто сказал, что я ему вообще что-то отдам? – ухмыльнулся генерал. – Нам он нужен для отвода глаз. Пусть бегает вокруг нашего объекта. ФСБ о нем знает. А мы все аккуратненько провернем, и деньги останутся в нашем банке.

– Вы сами хотите все организовать?

– Вот именно. Теперь у нас появился шанс. Мы вытащили этого ублюдка из тюрьмы, чтобы он дело сделал. А он его провалил. И засветился. Теперь фээсбэшники его по всей Москве искать будут. А наших людей никто не знает. Его подставим, а сами все чисто сделаем. И деньги оставим себе.

– А вдруг он нас опередит?

– Не опередит, – усмехнулся Скороденко, – не успеет. Твоего министра уберут сегодня в шестнадцать часов. Я тоже не сидел без дела. А этот полковник пусть побегает по Москве. Мы его потом сами сдадим ФСБ, тепленьким. Как организатора убийства члена правительства.

– Он очень опасный, этот полковник, – осторожно заметил Родион Александрович, – очень. Настоящий убийца, безжалостный и жестокий. Я сам в этом убедился.

– Я тоже опасный, – сжал кулаки генерал, – не зря меня в МВД «костоломом» называли. Таких, как Слепнев, пачками давил. Не дрейфь, майор, все будет как надо.

День первый. Москва 13 часов 10 минут

Он никогда не уходил на перерыв. Об этом знали и заместители, и помощники. Еду директору ФСБ приносили прямо в комнату отдыха, смежную с кабинетом. Быстро справившись с обедом – директор не был гурманом, – он возвращался в кабинет. Вот и сегодня, хотя уже было начало второго, секретарша не звонила в столовую, зная, что шеф обычно обедает после трех.

Соответственно, перестраивали режим работы и подчиненные. Ровно в десять минут второго в кабинет вошел заместитель, генерал Потапов. Ему было чуть больше сорока. За последние несколько лет сменилось уже трое директоров ФСБ, и всех троих Потапов устраивал, потому и уцелел. Во-первых, он возглавлял аналитические службы, располагавшие наиболее объективной информацией, во-вторых, как бы являлся представителем президентского аппарата в самой ФСБ и не скрывал своих политических пристрастий, являясь убежденным сторонником президента, что положительно сказывалось на его карьере. Директор знал, что у Потапова весьма обширные связи и в правительственных кругах, и среди журналистов. И потому относился к нему с некоторой долей опаски, как обычно относятся серые начальники к своим более ярким заместителям.

– Есть что-нибудь новое? – спросил директор ФСБ.

– Группа Корниенко закончила работу. Полковник сейчас в приемной. Он уже встречался с Полетаевым.

– Пусть Корниенко зайдет ко мне, – приказал директор, позвонив в приемную.

Появился тот самый полковник, который уже успел побеседовать с Полетаевым. Это был высокий, худощавый мужчина с несколько вытянутым узким лицом. В свои тридцать восемь он успел довольно основательно испортить себе зрение и уже несколько лет носил очки.

– Разрешите, – спросил полковник.

– Садитесь, – кивнул директор, – докладывайте, что там у вас.

– Предварительные результаты осмотра места происшествия в общем подтвердили ситуацию, о которой мы вам докладывали утром, – начал Корниенко, усаживаясь в кресло. – Судя по всему, убийцы приехали в автомобиле и остановились чуть поодаль от входа в дом. Обзор был выбран удачно, и совершенно непонятно, почему они не заметили, что министра в машине нет. Сидевшие на лавочке во дворе женщины уверяют, что охранник дважды выходил из машины. Судя по всему, он ждал Полетаева и, когда тот позвонил в свой автомобиль, решил, что министр просит его подняться наверх.

– Он всегда поднимался за ним? – спросил директор.

– Всегда. Очевидно, это и сбило с толку нападавших. Они видели, как охранник вышел, потом снова вернулся к машине и сел в нее. Остается загадкой, почему убийцы не обратили внимания на тот факт, что охранник вернулся один, без министра.

– С того места, где они находились, было видно, кто подходит к машине?

– Да. Мы дважды проверили. Они не могли не заметить, что министра нет. И тем не менее обстреляли машину, как только она выехала, огибая дом.

– Машина убийц установлена?

– Черная «девятка». ГАИ ее уже ищет. Перекрыты все выезды из города, идет проверка документов, но эта мера вряд ли что-нибудь даст. Судя по почерку, работали профессионалы. Есть все основания предполагать, что организатором преступной акции был наш бывший сотрудник, полковник Слепнев.

– Почерк его, – согласился Потапов, – наглый, циничный, вызывающий. Но как мог Слепнев допустить подобную ошибку?

– Трудно сказать. Ясно одно: покушение готовили на министра, а жертвами стали водитель и охранник.

– Ребята погибли сразу? – мрачно спросил директор.

– В одно мгновение. Граната разорвалась в салоне автомобиля. Все было рассчитано. Мы отвезли трупы в морг.

– Цинизм и жестокость, – напомнил Потапов, – это из личного дела Слепнева. Он ни во что не ставил чужую жизнь.

– Плохо его охраняли, – процедил сквозь зубы директор, – сразу надо было доставить этого типа к нам, чтобы не сбежал.

– Кто мог подумать? – пробормотал Потапов, – казалось, он сломлен случившимся. Считал, что с ним поступили несправедливо.

– И теперь решил мстить всему миру, – подвел итог директор. – У вас все? – спросил он Корниенко.

– Судя по свидетельствам соседей, в «девятке» находились двое. Мы составляем фотороботы, но по описанию ни один не похож на Слепнева.

– Это еще ничего не значит, – заметил Потапов, – он мог изменить внешность.

– Не думаю, – возразил Корниенко, – он специалист опытный и вряд ли стал бы стрелять в машину, не убедившись, что министр внутри. Скорее всего он находился где-то рядом, наблюдая за действиями своих людей.

– Согласен, – кивнул Потапов, – значит, нужно проверить все машины, стоявшие поблизости.

– Уже проверяем, – кивнул Корниенко, – опрашиваем всех, кто проходил или проезжал по этой улице. Наши эксперты работают с машиной, вернее, с тем, что от нее осталось. Проверяем тип гранаты, выясняем, как она попала к террористам. К вечеру эксперты закончат работу.

– Нужно искать Слепнева, – напомнил директор.

– Мы дали такую установку по городу. Все сотрудники милиции уже предупреждены. Фотография Слепнева разослана по всем отделениям.

– Раньше нужно было это сделать, – недовольно заметил директор.

– Вы же знаете, нельзя было распространять фотографию «ликвидатора», сотрудника милиции, – напомнил Потапов, – мы предполагали, что он покинет Россию.

– А он остался. Меня тревожил факт его побега с того момента, как я о нем узнал. Значит, его собирались использовать именно в этом деле. – Директор повысил голос и спохватился, что нервничает. Этого он не мог себе позволить и всегда гордился своей выдержкой. – Я говорил с премьером, – продолжал директор уже спокойнее, – рассказал о Слепневе, предупредил, что наш бывший коллега исключительно опасный террорист. Звонил в службу охраны. Там обещали принять экстраординарные меры по безопасности Полетаева. Необходимо взять под усиленную охрану все правительственные учреждения, а также руководителей высшего ранга. Но судя по тому, как готовилась акция против Полетаева, главной мишенью бандитов остается министр финансов. К нему прикрепили нескольких охранников, но этого недостаточно. Желательно, чтобы в ближайшие несколько дней его охраняли наши сотрудники. Я объясню службе охраны, что эта мера направлена на захват опасного террориста. Думаю, нас поймут.

– Сделаем, – кивнул Потапов, внеся соответствующую пометку в блокнот.

– Кому намерены поручить руководство группой по охране Полетаева?

– Полковнику Кикнадзе.

– Согласен, – кивнул директор, – он спокойный и рассудительный человек. Пусть немедленно выезжает в Министерство финансов. Дайте ему необходимое количество людей. Что еще?

– Для страховки я прикрепил бы к нему в качестве помощника Суслову, – сказал Потапов, – на всякий случай.

– Правильно, – согласился директор. – У вас все?

– Может быть, в группу включить Руднева?

– Руднева? – помрачнел директор. – Погибший, кажется, был его родственником?

– Племянником.

– Как Руднев себя чувствует?

– Плохо. Поехал сообщить брату о случившемся несчастье. А у брата большое сердце, и он за него боится.

– Дайте ему трехдневный отпуск. И вообще отстраните от работы. В таком состоянии нельзя являться на службу. Не говоря уже о том, чтобы подпустить его к Полетаеву или другому высокопоставленному лицу.

– Он еще не был в морге, – тихо заметил Корниенко.

Наступило молчание. Директор первый прервал его, подумав, что служебный кабинет не место для проявления эмоций.

– Остается проблема Слепнева, – сказал он, – как собираетесь ее решать?

Потапов перевел взгляд с Корниенко на директора и заметил:

– Против такого профессионала может действовать только настоящий охотник.

Корниенко, слегка покраснев, поправил очки и твердо пообещал:

– Мы найдем Слепнева.

– Не сомневаюсь, – сказал Потапов, – только бы не опоздать. Необходимо просчитать каждое его действие на шаг вперед. Извините меня, Корниенко, вы отличный специалист, один из лучших следователей, но пытаться напасть на след Слепнева занятие бесполезное. Главное вычислить, где и когда он может появиться. Не забывайте, что Слепнев специалист высокого класса и может запутать следы.

– Я не умею предугадывать, – чуть запинаясь, сказал Корниенко, – но все равно мы его найдем, – упрямо повторил он.

– Не горячитесь, – сказал директор, – генерал Потапов прав. Это не обычный уголовник. Его нужно не просто найти. Нужно вычислить и взять прежде, чем он начнет действовать.

– Мы будем его искать, – сказал Корниенко, – постараемся вычислить.

– Этого недостаточно, – стоял на своем Потапов. – Нужен аналитик, который сумел бы понять образ его мыслей, предугадать его действия. Здесь даже наши аналитические службы бессильны.

– Я знаю, куда вы клоните, – с нотками недовольства в голосе сказал директор, – хотите снова привлечь к делу того подозрительного субъекта со стороны? Чем он вам так понравился?

– Он выручал нас в трудных ситуациях, и не раз. Помните историю с похищением ядерных зарядов в Чогунаше? Он тогда не только установил, кто именно похитил ЯЗОРД, но и сумел его найти.

– У нас и свои следователи есть, – буркнул директор, – нечего привлекать посторонних, тем более что речь идет о нашем бывшем сотруднике. Слепнев как-никак был нашим товарищем.

– Был, – выразительно заметил Потапов.

– Значит, мы и должны его найти. А не этот ваш специалист. Кстати, как его имя?

– Он предпочитает, чтобы его называли Дронго.

– Вот именно – Дронго. Он, конечно, неплохой специалист, но зачем вмешивать в наши дела такого рода экспертов? Не нужно. Думаю, мы вполне справимся сами.

– Этот человек умеет делать то, что не под силу никому другому, – сказал Потапов. – Он гениальный аналитик.

– Не нужно, – упрямо повторил директор, поморщившись, – вообще слово «гениальный» никак не вяжется с нашими доморощенными экспертами. Не отрицаю, он обладает некоторыми навыками решения подобных задач. И только. Поэтому давайте подумаем, как обойтись без него.

В этот момент зазвонил телефон. Директор посмотрел, какой именно, и сразу изменился в лице. Звонил сам президент. Осознавая важность момента, директор невольно подтянулся и снял трубку. Остальные затаили дыхание.

– Что происходит на улицах города? – гневно спросил президент.

– Сегодня была совершена попытка террористического акта, – доложил директор ФСБ чуть дрогнувшим от напряжения голосом.

– Как это попытка? – сказал президент. – Мне доложили, что у нас в городе уже стреляют из гранатометов. Есть погибшие. Это вы называете попыткой?

– Террористы организовали нападение на автомобиль министра финансов Полетаева. К счастью, Артема Сергеевича в автомобиле не было, но пострадали водитель и охранник, оба погибли.

– К счастью для кого? – спросил президент. – Вы хоть понимаете, что происходит? Террористы обнаглели настолько, что открывают стрельбу прямо в центре города, а вы говорите – «к счастью». Нужно найти и наказать тех, кто решил, что у нас нет законов. Или вы способны только чужие разговоры подслушивать?

Директор ФСБ вспыхнул и бросил взгляд на подчиненных. Может быть, они все же не слышали, что сказал президент. Ведь ни для кого не секрет, что не только ФАПСИ – Федеральное агентство правительственной связи, а еще и ФСБ прослушивает правительственные кабинеты и разговоры чиновников. Директор передавал информацию лично президенту, не сообщая ее даже своим заместителям.

– Мы сделаем все возможное, – сказал директор, – но необходимо прикрепить к Полетаеву наших людей, чтобы обеспечивали его безопасность.

– Вот это правильно, – согласился президент, – и докладывайте мне лично о ходе расследования.

Он отключился, и директор осторожно опустил трубку на рычаг. Посмотрел на обоих офицеров, снова поднял трубку и связался с начальником службы охраны. Раньше Девятое управление КГБ, на основе которого и была создана служба охраны, входило в структуру Комитета государственной безопасности и подчинялось Комитету. Но в начале девяностых эта структура была выведена из подчинения КГБ и организована как самостоятельная служба. Между ФСБ и службой охраны всегда существовало негласное соперничество. Трубку снял начальник службы охраны.

– Добрый день, – сказал директор ФСБ.

– Здравствуйте, – весело ответил начальник службы охраны. В его компетенцию входила охрана всех высших правительственных чиновников и правительственных резиденций. Но в случае нападения террористов он делил солидарную ответственность с директором ФСБ. А так как сегодня утром погиб один из сотрудников службы охраны, то можно было, ссылаясь на это, обвинить ФСБ в том, что именно их службы упустили террористов.

– Я звоню насчет сегодняшнего нападения на министра финансов, – сказал директор.

– Мне уже сообщили. Погиб наш сотрудник, героически пытавшийся предотвратить нападение, – явно издеваясь, сказал начальник службы охраны.

– Соболезную, – едва сдерживая ярость, прошипел директор, – поэтому мы и решили помочь вам. С двух часов дня берем Полетаева под свою охрану.

– Думаю, мы сами справимся, – возразил начальник службы охраны. – Вы лучше террористов ищите!

– Это приказ президента, – не без удовольствия сообщил директор ФСБ.

Его собеседник помолчал несколько секунд, потом сухо сказал:

– Желаю успеха. – И положил трубку.

Директор с улыбкой обратился к Корниенко:

– Полагаю, нам и своих экспертов хватит. Как вы считаете?

– Так точно. – Корниенко поднялся со своего места.

– Вот и прекрасно, – сказал директор, – к Полетаеву прикрепим группу Кикнадзе. А вы начинайте поиск Слепнева параллельно с расследованием этого нападения. И покажите всем, как мы умеем работать.

День первый. Москва 14 часов 05 минут

Они приехали в министерство к двум часам дня. Восемь офицеров ФСБ прошли в приемную, и полковник Кикнадзе попросил секретаря доложить о них министру. Кикнадзе было сорок два года. Грузин по происхождению, он всю жизнь прожил в России и говорил по-русски без всякого акцента, от которого так трудно избавиться тем, кто с детства говорил по-грузински. Дмитрий Георгиевич Кикнадзе служил в контрразведке более шестнадцати лет, придя сюда еще во времена правления бровастого генсека, когда само название КГБ вызывало ужас у граждан огромной страны и доброй половины человечества.

Кикнадзе сделал неплохую карьеру и в свои сорок два был одним из лучших специалистов по антитеррористической деятельности в стране. Вместе с Кикнадзе в министерство приехали шестеро мужчин и одна женщина, на которую сразу обратили внимание секретарша министра и его помощники. Женщине было где-то под сорок. Высокая, с короткой стрижкой, обычным лицом и обычной фигурой. В общем, ничего такого, что свидетельствовало бы о ее принадлежности к элитарным спецподразделениям ФСБ. Разве что темные очки, которые она не сняла даже в помещении. Однако все понимали, что она не рядовой сотрудник. Офицерам пришлось ждать минут двадцать, пока министр проводил совещание.

Полковник Кикнадзе прошел к министру, когда от него выходили его заместители и помощники. Полетаев не покидал своего кабинета, куда приехал после встречи с премьером, понимая, как важно детально проработать позиции Министерства финансов перед завтрашней лондонской встречей.

– Полковник Кикнадзе, – представился вошедший.

– Извините, полковник, что заставил вас ждать, – поднялся со своего места министр, протягивая ему руку, – столько сразу свалилось, что трудно оправиться. У меня очень мало времени. Садитесь. И давайте коротко. Чем могу вам помочь?

– Нет, – ответил полковник, – вы не поняли. Это мы приехали сюда, чтобы помочь вам. Нам приказано обеспечить вашу безопасность.

– Спасибо, – буркнул министр, – вот уж не ожидал, что окажусь в центре внимания террористов. Вы считаете, что покушение может повториться?

– Всякое бывает, – уклонился от ответа Кикнадзе, – мы поменяем вашу охрану. К вам теперь будут прикреплены трое наших сотрудников, не считая меня самого.

– Значит, теперь вы будете в моем личном распоряжении, – усмехнулся Полетаев. – Как ваше имя-отчество?

– Дмитрий Георгиевич.

– Объясните, Дмитрий Георгиевич, что я должен делать?

– Ничего. Только ознакомить нас с вашим сегодняшним графиком. А завтрашний обговорим с вашими помощниками.

– Сегодня в шестнадцать у меня встреча с западными банкирами. В восемнадцать еду к премьер-министру. Вечером вернусь в министерство. Когда точно – не знаю. Это зависит от нашей встречи с министром. Кстати, на завтра ничего особенного не запланировано. Я улетаю в Лондон. Думаю, там меня наши террористы не достанут.

Он с улыбкой посмотрел на Кикнадзе, но тот не изменился в лице. Только сообщил:

– Мы летим с вами.

– Считаете, что это необходимо? – удивился Полетаев.

– Разумеется, – кивнул Кикнадзе, – с этой минуты мы будем постоянно с вами. И с членами вашей семьи.

– Они в поликлинике.

– Знаю. Там уже дежурят двое сотрудников из службы охраны. Думаю, вашим близким ничто не грозит, но лучше подстраховаться. Так что будем охранять вашу жену, дочь, внуков, зятя.

– И зятя тоже? – удивился Полетаев.

– Он считается близким родственником. Или вы думаете иначе?

– Нет, нет, конечно. Правда, не представляю себе, как вы будете охранять моего непутевого зятя. Впрочем, это дело ваше. Видимо, вы правы.

– Мы постараемся не стеснять свободу передвижения членов вашей семьи, – пообещал Кикнадзе, – но они должны понимать, что речь идет исключительно об их безопасности.

Полетаев подумал, что Людмила вряд ли будет способна что-либо понять. Она уже дважды звонила ему за истекший час, желая убедиться, что с ним все в порядке. По телевизионным каналам передавали то противоречивую, то недостоверную информацию о покушении, и Людмила места себе не находила от тревоги. В два часа дня по одному из каналов передали сообщение о его гибели в собственном автомобиле, и Людмила снова бросилась ему звонить, а потом никак не могла прийти в себя от возмущения.

Он понимал, что она волнуется. Но, с другой стороны, проведя столько лет рядом с ней, осознавал и другое. Ее постоянные звонки и крики были отчасти «игрой на публику». Она все еще находилась в поликлинике вместе с Димой, и ей нужно было постоянно доказывать свою принадлежность к высшему сословию жен членов правительства. Именно поэтому она звонила ему, называя по имени-отчеству и интересуясь, как отреагировали президент и премьер на покушение. Полетаев морщился, но отвечал, стараясь не раздражать и без того взвинченную сегодняшними событиями супругу.

В тринадцать ему позвонил президент и пообещал, что расследованием займутся сотрудники ФСБ. Полетаев вежливо поблагодарил, не очень надеясь на успех расследования. Ему казалось, что вся эта чудовищная история уже канула в Лету и теперь нужно думать о завтрашней поездке в Лондон. Но офицеры ФСБ разрушили его иллюзии.

– Если разрешите, – сказал Кикнадзе, – я представлю вам своего заместителя и попрошу вашего помощника познакомить меня с прикрепленными к вам нынче утром сотрудниками службы охраны. Нужно уточнить с ними некоторые детали.

– Хорошо, – согласился Полетаев, поднимаясь. Кикнадзе вышел и через несколько секунд вернулся с женщиной.

– Подполковник Сулова, – представилась она, снимая темные очки.

– А-а-а, – протянул удивленный Полетаев, – он не знал, что нужно говорить в подобных случаях. Появление женщины в кабинете было столь неожиданным, что министр не мог скрыть своего замешательства.

– Подполковник Сулова – наш опытный сотрудник, – пришел ему на помощь Кикнадзе.

– Очень хорошо, – обрел привычное равновесие Полетаев, – значит, будем работать вместе.

– Мы не хотим вам мешать, – сказал Кикнадзе, – только должен вас предупредить, что теперь, прежде чем попасть к вам в кабинет, придется пройти проверку на наличие оружия. В приемной постоянно будут находиться наши сотрудники.

– Еще немного, и вы сделаете из меня папу римского. Но думаю, даже его так не охраняют, – пошутил Полетаев.

– Охраняют, – сказал без тени юмора Кикнадзе, – еще как охраняют.

Они вышли из кабинета вместе с Суловой, а Полетаев, оставшись один, подошел к столу, взял ручку, хотел сделать необходимую запись, но оказалось, что в ручке кончились чернила. Для Полетаева это было дурным знаком. Он раздраженно отбросил ручку и взял другую.

– Неужели все настолько серьезно? – Он попытался сосредоточиться.

День первый. Москва 14 часов 32 минуты

Слепнев подошел к телефону-автомату. Огляделся. На улице все было спокойно. Вставил жетон, поднял трубку и набрал нужный номер.

– Слушаю, – раздался хриплый голос генерала.

– Записывай название банка и номер счета, пенсионер, – сказал Слепнев, – и не вздумай хитрить. Чтобы деньги были на счету уже завтра. Тогда до пятницы я все сделаю. А во второй половине дня в пятницу деньги должны быть разблокированы. Не забудь сообщить об этом в банк.

– Нечего мне указывать, что я должен, – сорвался на крик Скороденко, обозлившись на слово «пенсионер». – Мы и без тебя справимся.

– Как хочешь. Жду до завтра. Если денег не будет, больше не позвоню. И не тяни, пенсионер, – с издевкой повторил Слепнев. – Я ведь знаю, что ты задумал. Хочешь подставить меня. Сам все провернуть, а деньги списать на меня. Так вот учти, пенсионер, ничего у тебя не выйдет. Если даже твои орлы и сумеют что-нибудь сделать, то деньги твои все равно пропадут. Я найду способ сообщить, что не причастен к твоей операции.

– Сукин сын, – пробормотал генерал, с трудом сдерживая ярость, – напрасно я тебя живым отпустил.

– До свидания. И мой тебе совет – не ищи меня, – он положил трубку, быстро прошел к машине, сел рядом с водителем, и машина тронулась.

– Что он сказал? – спросил Марек.

– Все будет в порядке, – усмехнулся Слепнев, – дрейфит, стервец. И деньги хочет забрать, и на меня все свалить, и сухим из воды выйти. Вот жадность его и погубит. Поехали к Майе. Там нас искать не будут. Ты говорил со Стариком насчет паспорта?

– В пятницу будет готов, – ответил Марек, – и деньги. Они дают под двадцать пять процентов.

– На сколько дней?

– На неделю.

– Ростовщики, – беззлобно заметил Слепнев, – ладно, черт с ними. Скажи, что мне нужно уже сегодня двадцать тысяч долларов. Сегодня. Пусть считают с сегодняшнего дня. Понял?

– Передам.

– Как только получишь деньги, поезжай к Старiku и заberi все, что он для тебя приготовит. Он будет у себя сегодня после восьми вечера. Оба чемодана привезешь к Майе.

– Понятно.

– И еще, – сказал Слепнев, глядя на подельника, – кроме тебя и Старика, никто в мире не знает, что я буду у Майи. И если меня обнаружат...

Марек дернул машину, коротко выругался и посмотрел на полковника.

– Сам понимаешь, – договорил с явной угрозой Слепнев, – я разобраться не стану.

– Я когда-нибудь вас предавал? – спросил Марек.

– Поэтому и живешь рядом, – в тон ему ответил полковник, – мне обычно такие вопросы не задают. Один мой друг любил говорить, имея в виду женщин, что страшна не измена, а сама мысль о ней. И если эта мысль придет тебе в голову, гони ее прочь. Гараж хорошо закрыл?

– Да. Ключи у меня. Только оставлять трупы в багажнике надолго нельзя. Через два-три дня такой запах пойдет, все соседи сбегутся.

– Через два дня я сам туда соседей позову, – успокоил его полковник.

– Может, вывезти их и закопать? Вы же говорили, что так мы и сделаем.

– Раньше говорил. Пока эти ублюдки не провалили все дело. А сейчас эти трупы нам понадобятся.

– Как они могли не заметить, что министр в автомобиль не садился? – удивился Марек. – А может, он на повороте вышел?

– Не выходил он, – нехотя ответил полковник, – это я виноват. Думал, с их точки все будет видно. Не учел, что они могут отвлечься. В таких случаях нужно ставить человека возле подъезда. Но у меня людей больше не было. Ты и так их ждал в переулке с машиной. Майя дома была, Старик нам отход обеспечивал, а Семен в Ленинград, тьфу ты черт, в Санкт-Петербург укатил. Откуда мне было взять еще одного наблюдателя? Вот и вышла лажа. Сделай они все нормально, закопали бы их сейчас где-нибудь за городом, и с концами. А раз ошиблись, пусть теперь страдают их души. Не дам им упокоения, пока на нас не поработают.

Марек с ужасом взглянул на Слепнева.

– Только не говори, что ты верующий, – усмехнулся полковник, – с твоим-то прошлым.

– Я верующий, – сказал Марек.

– В таком случае гореть тебе в аду. Только ничего нет. Ни ада, ни рая. Есть черви, которые нас с тобой грызть будут. Вот и все. Никакой загробной жизни.

– Не нужно так говорить, – поежился Марек.

– Почему не нужно? – повернулся к нему полковник. – Я тебе вот что скажу. И рай, и ад мы на земле получаем. И столько нам отмерено в этой жизни и рая, и ада, что в другой жизни мы бы от всего этого взвыли. По большому счету, если бог есть, он должен был дать нам покой в другой жизни, чтобы мы отдохнули от этой. Лет так на миллион. А потом, может, нам и самим не захотелось бы снова бегать по грешной земле. Отвыкли бы. Поэтому с точки зрения абсолютного бога все правильно. Каждый из нас хлебает свой рай и ад здесь, а потом отправляется навечно отдыхать там. Вот и вся философия.

Марек молчал, глядя на дорогу.

– Не согласен? – добродушно спросил Слепнев. – Ну и черт с тобой, как хочешь. Только про червей не забывай. Это так страшно, когда черви вгрызаются в мозг. Вообще, с рациональной точки зрения, самые умные существа на земле, должно быть, черви. Они сожрали за эти тысячи лет столько всяких мозгов, что давно должны были принести достойное потомство, а не прозябать в земле. Но не принесли. И знаешь почему? Потому что халявной пищи много. Вот ты отними у них эту пищу, заставь вылезти на поверхность земли, побегать, еду поискать, так они за тысячу лет особую породу умных червей выведут. Но еда сама к ним идет, вот они и обленились. Лежат себе в земле и ждут очередного покойника. – Разговоры у вас сегодня какие-то мрачные, – сказал Марек.

– А я вообще мрачный. Иногда думаю, что, если на самом деле есть ад, значит, на том свете встречу с ребятами, которых сегодня на небо отправил. Интересно, что они мне скажут. Ругать начнут? Или, наоборот, благодарить, что избавил их от земных страданий? Вообще-то интересно, должно быть, встречаться со своими жертвами. У меня, думаю, не меньше взвода покойников наберется. Может, меня там их куратором сделают. – Он засмеялся хриплым, неприятным смехом, от которого у Марека мурашки побежали по телу. Полковник прямо-таки зашелся смехом, даже закашлялся, ударяя себя кулаком в грудь. Потом выпрямился и сказал: – Все равно ничего нет. А раз бога нет, значит, мы с тобой сами решаем, кому жить, а кому к червям отправляться. Иначе кто-то другой будет за нас решать. Вот поэтому, Марек, я отношусь к тем, кто сам за себя решает. – Он помолчал и равнодушно добавил: – И за других тоже.

День первый. Москва

16 часов 17 минут

Банкиры должны были появиться ровно в шестнадцать, но Шумский сообщил по телефону, что они на несколько минут задерживаются.

– Нормальные ребята, – добавил вице-премьер, – ты будь с ними построже. Сами они ничего не решают, но влияют на общую атмосферу и настрой остальных. Ты понимаешь, Артем, по возвращении из России они должны там у себя рассказать, что у нас нормальная обстановка. Особенно напирай на наши внутренние займы. В общем, надувай щеки и кивай головой, соглашаясь с их проектами. Пусть увезут отсюда положительные эмоции. Ведь это просто представители банков, а главные переговоры у тебя в Лондоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.